

КНИГА СМѢХА

Разсказы : Сказки : Анекдоты
Сценки : Остроты : Шутки
Юмористическіе Стихи и пр.

Составилъ И. С. ЧЕРНИГОВСКІЙ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

„Книга Смѣха"

РАЗСКАЗЫ, СКАЗКИ, СЦЕНКИ
ИЗБРАННЫЕ АНЕКДОТЫ
ШУТКИ и ОСТРОТЫ

Аркадій Аверченко, А. Амфитеатровъ, Аркадій Буховъ, П. Валдайскій, И. Ѳ. Горбуновъ, Э. А. Добровольскій, С. Клеменсъ, С. Львовичъ, И. И. Мясницкій, Ѳ. Сологубъ, В. Князевъ, Н. Лидинъ, Тэффи, М. Шевляковъ и мн. др.

Изданіе Второе

Нью-Іоркъ
1919-1920

Разсказы и Сказки

ВЪ АДУ.

(Французская сказка).

У преддверья ада, Сатана, сидя на тронѣ изъ раскаленнаго желѣза, присутствовалъ при прибытіи душъ.

Гордыя души полководцевъ, судей и королей; скромныя души земледѣльцевъ, купцовъ и слугъ, — каждая послѣ краткаго слова отсылалась въ мѣсто вѣчныхъ мукъ. Церемонія эта продолжалась долго. Царь тьмы, казалось, почувствовалъ усталость и ужъ сладко сталъ зѣвать, когда предъ нимъ предстала душа поэта.

Какая жалкая добыча была эта душенка! — Тощенькая, маленькая, постная, — это была душа, ничего почти не стоющая: душа голоднаго...

Сатана, при видѣ этой смиренной, жалкой душенки, напоминавшей взглядъ побитой собаки, разразился громкимъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха! Ты меня забавляешь — воскликнулъ онъ. — Право, ты щедро искупилъ свои грѣхи на землѣ. Твоя ничтожность меня забавляетъ. Я беру тебя къ себѣ на службу. Видишь ты этотъ котелъ? Въ немъ варятся въ кипящемъ маслѣ души нѣсколькихъ трактирщиковъ. Я поручаю тебѣ поддерживать постоянный огонь подъ этимъ котломъ и въ то же время наблюдать за входомъ. Если я буду доволенъ твоей службой, ты повысишься въ чинѣ.

Сатана удалился, а поэтъ усѣлся около котла и сталъ усердно мѣшать горячій уголь. Онъ не любилъ трактирщиковъ, которые такъ часто, при его жизни, отказывали ему въ кредитѣ. Кромѣ того, ему хотѣлось угодить новому хозяину. Огонь ярко пылалъ, масло въ котлѣ кипѣло, а поэтъ, которому нечего было особенно дѣлать, сталъ мечтать.

Вдругъ къ нему подходитъ господинъ, одѣтый въ шелкъ и бархатъ, съ перьями на шляпѣ и съ золотыми шпорами на лакированныхъ сапожкахъ. Его сопровождалъ оруженосецъ, одѣтый въ парчевой плащъ.

Это былъ Св. Петръ, а его оруженосецъ, Св. Ѳома, оба неузнаваемые въ своихъ нарядахъ. Они бродили по владѣніямъ ада, чтобы попытаться спасти нѣсколько душъ отъ адскихъ мукъ.

Святой Петръ вѣжливо поклонился поэту, который въ свою очередь, отвѣтилъ учтивымъ поклономъ.

Между ними живо завязался разговоръ по душамъ, и Св. Петръ скоро узналъ, что его собесѣдникъ былъ при жизни поэтомъ безъ имени и безъ читателей; что онъ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ, но удовлетворялъ его очень рѣдко; что онъ воспѣвалъ хорошее вино, цвѣты и свѣтскія радости, но что самъ онъ пилъ воду, жилъ на чердакѣ и... умеръ съ голоду.

Св. Ѳома, между тѣмъ, бросалъ исподтишка взгляды на котелъ, въ кторомъ весело подпрыгивали души трактирщиковъ.

— Я очень люблю стихи — продолжалъ разговоръ Св. Петръ. — Не знаете-ли вы какихъ-нибудь на память? Вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, если бы прочли нѣкоторыя изъ вашихъ произведеній?

— Съ удовольствіемъ! — радостно согласился поэтъ. При жизни онъ съ трудомъ находилъ слушателя для своей поэзіи, а если ему иногда и удавалось найти кого-либо, кто соглашался выслушать его, то никогда не

могъ его заставить дослушать до конца... — Вотъ послушайте это стихотвореніе, это одно изъ лучшихъ.

И поэтъ припялся декламировать, жестикулируя руками, съ восторженнымъ лицомъ и голосомъ то громовымъ, то замирающимъ. За первымъ стихотвореніемъ немедленно послѣдовало второе, „еще лучшее, чѣмъ первое"; затѣмъ третье, „удавшееся, пожалуй, лучше всѣхъ другихъ"...

Св. Петръ слушалъ съ восхищеніемъ и усердно аплодировалъ поэту.

Св. Ѳома, межъ тѣмъ, пользуясь удобнымъ моментомъ выхватилъ изъ котла нѣсколько душъ несчастныхъ трактирщиковъ и сунулъ ихъ въ мѣшокъ, находившійся подъ его плащемъ.

Св. Петръ, между тѣмъ, продолжалъ увѣрять до крайности воодушевленнаго поэта, что онъ никогда въ своей жизни не слыхалъ подобныхъ стиховъ. Онъ поражался тому, что поэтъ съ такимъ талантомъ могъ остаться неизвѣстнымъ при его жизни. „Вѣроятно — заключилъ онъ — завистники вредили вамъ".

— Безъ сомнѣнія!—согласился поэтъ и сталъ ругать своихъ современниковъ. Одинъ добился славы путемъ интригъ, другой — благодаря знакомствамъ и красивой женѣ... третій—льстя власть-имущимъ; четвертый — воруя у другихъ мысли и стихи и т. д. и т. д. А на самомъ дѣлѣ между ними нѣтъ ни одного истиннаго таланта, нѣтъ равнаго ему...

Св. Петръ во всемъ соглашался съ поэтомъ, межъ тѣмъ какъ Св. Ѳомѣ удалось выхватить еще нѣсколько душъ изъ кипѣвшаго котла.

— Послушайте — продолжалъ занимать поэта Св. Петръ — я знакомъ со многими крупными издателями и смогу, вѣроятно, напечатать ваши стихи. Я васъ также отрекомендую душамъ критиковъ, которые напишутъ цѣ-

лые очерки о вашихъ произведеніяхъ. Ни о комъ, кромѣ васъ, публика говорить не будетъ.

Поэтъ съ восторгомъ сталъ душить Св. Петра въ своихъ объятіяхъ, обѣщая посвятить ему посланіе въ десятистопныхъ стихахъ, въ особенно обработанномъ стилѣ. Онъ пошлетъ ему полное собраніе своихъ сочиненій, какъ только они появятся изъ печати.

Св. Ѳома, между тѣмъ не дремалъ и усердно выуживалъ послѣднія души трактирщиковъ изъ начавшаго уже остывать котла.

Получивъ отъ Ѳомы условный знакъ, что все уже готово, Св. Петръ сталъ прощаться съ поэтомъ, увѣряя его въ своей преданности и вѣчной дружбѣ.

Когда Сатана, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ ада, вернулся для ночного обхода, онъ нашелъ огонь подъ котломъ потухшимъ, масло холоднымъ; дверь ада была широко открыта, и души трактирщиковъ исчезли... Онъ поднялъ страшный шумъ и вой; тронъ его полетѣлъ въ голову одного сановника; котелъ — въ голову другого, а несчастный поэтъ-кочегаръ получилъ такой пинокъ въ мягкое мѣсто, что пробивъ сводъ ада онъ вылетѣлъ въ голубое пространство, между небомъ и землею, гдѣ и обитаетъ, говорятъ, по сіе время.

Вотъ почему, увѣряютъ знающіе люди, души поэтовъ не попадаютъ на тотъ свѣтъ, а вѣчно витаютъ въ облакахъ, ибо чертъ ихъ не беретъ, а въ раю изъ-за трактирщиковъ мѣста нѣтъ...

Пер. съ франц. **Л. П.**

У МИРОВОГО.

— Андрей Лукичъ Топтыгинъ и Мавра Васильевна Куроцапова! — проговорилъ мировой судья, обводя усталымъ взглядомъ публику, наполнявшую его камеру.

Къ столу судьи подошли тяжущіеся: пожилыхъ лѣтъ женщина, одѣтая въ черное, съ непріятнымъ сухимъ лицомъ, и мужчина съ сильно полинявшей шевелюрой и коротенькой бородкой клиномъ.

— Вы Топтыгинъ? — обратился судья къ мужчинѣ, конфузливо опустившему глаза внизъ.

Молчаніе.

— Я васъ спрашиваю...

— Слышу-съ...

— Такъ чего же вы молчите?

— Отъ совѣсти-съ, господинъ судья. Въ первой, признаться, я подъ вашу опеку-то попалъ.

— Не доводили бы себя до этого! — замѣтилъ судья. — Вы вотъ тутъ, на судѣ, совѣститесь, а тамъ, въ гостяхъ, скандалы устраиваете...

— Я скандалы? Въ первый слышу-съ... изумленъ даже-съ...

— Изумляться можете сколько вамъ угодно, а... кусаться-то не слѣдовало...

— Совсѣмъ не извѣстная для меня иллюстрація-съ...

— Значитъ, вы не признаете себя виновнымъ, что находясь въ гостяхъ у госпожи Куроцаповой, укусили ее въ губу?

Снова конфузливое молчаніе со стороны отвѣтчика.

— Чего же вы молчите? Госпожа Куроцапова, разскажите, какъ онъ васъ укусилъ...

— Очень просто, ваше превосходительство: нужно

васъ предупредить, что я вдова...

— Это къ укушенію не относится...

— Ахъ, очень даже относится! Извѣстно, ежели бы у меня покойный мужъ существовалъ, такъ онъ бы такой инквизиціи не допустилъ... нужно васъ предупредить, ваше превосходительство, что мой покойный мужъ состоялъ...

— Оставимъ покойниковъ въ покоѣ; говорите только то, что относится къ дѣлу.

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

— И „превосходительствомъ" меня не величайте, я еще не генералъ.

— Я дама вѣжливая, господинъ судья, и должна понимать передъ кѣмъ я стою...

— Хорошо-съ. Говорите, что относится къ дѣлу.

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство. Нужно васъ предупредить, что у меня есть дочь — невѣста, Аннушка.

— Позвольте, ваша Аннушка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ укушенію?

— Ахъ, громадное, ваше превосходительство! Изъза нея собственно и вышло это звѣрское покушеніе на мою жизнь...

— Мавра Васильевна! — перебилъ ее отвѣтчикъ: — я человѣкъ съ совѣстью, но ежели вы начнете врать...

— Съ вами не говорятъ. Я говорю съ господиномъ мировымъ судьею. Нужно васъ предупредить, ваше превосходительство, насчетъ г. Топтыгина...

— Говорите, пожалуйста, безъ всякихъ предупрежденій...

— Слушаю-съ. Нужно васъ предупредить...

— Я только что васъ просилъ...

— Я про дѣло, ваше превосходительство. Нужно васъ предупредить, что моя дочь Аннушка красоты неописанной. Ей всего восьмнадцать лѣтъ, а господину

Топтыгину сорокъ пять. И можете себѣ вообразить, что онъ съ этакой рожей полѣзъ свататься.

— Выражайтесь вѣжливѣе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство. Я на васъ полагаюсь: ну, можно ли съ такой харей...

— Я васъ предупреждаю еще разъ...

— Слушаю-съ. Понятно, я ему отказала и просила объ этомъ совсѣмъ даже не мечтать. Разумѣется, получивши отказъ отъ затаилъ злобу на меня и дожидался только предлога, чтобы отомстить мнѣ за это. На Святой онъ пріѣзжаетъ къ намъ съ визитомъ и привозитъ дочери шоколадное яйцо. Намъ, конечно, былъ очень пріятенъ его визитъ, тѣмъ болѣе съ шоколаднымъ яйцомъ, но мы все-таки очень вѣжливо его приняли. Онъ подходитъ къ Аннушкѣ и говоритъ: „Христосъ Воскресе!" Та, разумѣется, ему со всей деликатностью: „во-истину воскресе!" — Позвольте, говоритъ, по обычаю троекратно облобызаться!... Конечно, ваше превосходительство, Аннушка глупа, хотѣла исполнить его намѣреніе, но я сказала: Аннушка! не смѣй!...

— Почему же именно? — полюбопытствовалъ судья — это прекрасный обычай...

— Ахъ, ваше превосходительство, вѣдь я мать, вы поймите, я должна защищать свое дѣтище, тѣмъ болѣе я вдова, которую всякій обидѣть можетъ... ужъ ежели онъ у меня губу прокусилъ, такъ у Аннушки безпримѣнно бы носъ оттрызъ.

— Да для чего?

— Ахъ, какъ вы этого не понимаете. Изъ злобы за отказъ... Позвольте теперь васъ спросить, по совѣсти, взяли бы вы мою Аннушку замужъ безъ носу, или нѣтъ?

— Это къ дѣлу не относится.

—Я мать, ваше превосходительство, а у него, позвольте поглядѣть, какія зубищи-то. Онъ разъ обѣдалъ

у насъ, такъ костъ мосталыгу пополамъ перегрызъ... Андрей Лукичъ, покажите его превосходительству зубы!

— Пр... прикажете, господинъ судья?! — спросилъ конфузливо отвѣтчикъ.

— Это совершенно лишнее... продолжайте, пожалуйста. И такъ, вы запретили вашей дочери христосываться съ отвѣтчикомъ?

— Запретила. Я мать, надо васъ предупредить...

— Хорошо, хорошо, я это знаю...

— Тогда онъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ ужасно грубымъ тономъ... Конечно, я на тонъ не обратила вниманія, потому, что же съ мужика я могу требовать...

— Я васъ просилъ уже выражаться вѣжливѣе...

— Виновата, ваше превосходительство. Мужицкимъ этакимъ, понимаете, тономъ: „почему, говоритъ, вы не дозволяете такого удовольствія?"... А потому, говорю, Андрей Лукичъ, что благородная дѣвушка...

— Насчетъ, вотъ тоже благородства она вретъ, господинъ судья! — перебилъ истицу отвѣтчикъ: — потому ежели всякая цеховая...

— Постойте! Куроцапова, продолжайте.

— А потому говорю, что благородная дѣвушка не можетъ цѣловаться со всякими встрѣчными и поперечными. Со мной христосоваться вы можете сколько хотите, а съ ней нельзя... угодно-съ? — Угодно, говоритъ. Приблизился это ко мнѣ, да какъ цапнетъ зубами за губу, у меня такъ даже искры изъ глазъ посыпались. — Вотъ, говоритъ, тебѣ, за всѣ ласки... У меня три дня послѣ такого поступка вотъ какой волдырь на губѣ висѣлъ, никуда въ люди показаться не могла...

— Все!

Все-съ! Прошу судить его по закону десятаго тома...

— Непремѣнно десятаго? — улыбнулся судья.

— Я васъ прошу. Мнѣ одинъ законникъ говорилъ,

что по этому закону всѣ самыя ужасныя преступленія совершаются.

— Хорошо. Ну-съ, господинъ Топтыгинъ, что вы скажете? Кусались, а?

Молчаніе.

— Да вы говорить вообще то можете?

— Могу. Совѣсть вотъ у меня, а то я могу...

— Ну, и прекрасно. Сознаетесь въ укушеніи?

— Ничего не могу сказать-съ...

— Почему?

— Смыслу нѣтъ-съ. Ну, для какого рожна я ея губу прихвачу? Ну, ветчина тамъ, колбаса... дѣло праздничное... закуска хорошая... а то вдругъ губа, даже не копченая... одно слово подошва старая...

— Ваше превосходительство! надо васъ предупредить, что я насчетъ протоколу буду васъ безпокоить...

— Позвольте! Значитъ, вы не сознаетесь?

— Смыслу нѣтъ-съ!.. — развелъ тотъ руками: — ну, еще куда не шло дочку ихнею, а то... смыслу даже нѣтъ-съ! Отродясь въ самоѣдахъ не былъ...

— Значитъ, г-жа Куроцапова клевещетъ на васъ...

— Это, какъ вамъ будетъ угодно...

— Мнѣ ничего не угодно, я васъ спрашиваю.

— Смыслу нѣтъ-съ. Конечно, дѣло праздничное... визитовъ цѣльная охапка... придти въ забвеніе чувствъ ничего не стоитъ...

— Вы больше ничего не можете сказать?

— Я-съ? сколько угодно-съ. Конечно, совѣсть у меня, а то бы я столько могъ наговорить...

— Въ оправданіе? Это можете.

— И оправдываться-то не въ чемъ. Смыслу нѣтъ-съ.

— Значитъ, вы не кусались?

— Думаю такъ, что она сама себя укусила... это бываетъ, что которые, напримѣръ, горячіе люди, завсегда себѣ губы прикусываютъ... а что ежели меня къ вашей

чести приволокли, такъ на то была особенная причина... заняла она у меня подъ росписку сто цѣлковыхъ... ну, я на визитѣ и сталъ требовать... потому все одно отъ ней, какъ отъ козла молока, ни монетки не дождешься... ну, черезъ это и вышла церемонія...

— Такъ-съ. Значитъ, вы положительно отрицаете взводимое на васъ обвиненіе?

— Смыслу нѣтъ-съ... Конечно, съ визитной сутали, можно и за губу зацѣпить, но только я такого конплименту не помню-съ. Думаю такъ, что сама себя она отъ своего карахтеру укусила. Чужую шляпу домой привезъ, въ чужихъ калошахъ пріѣхалъ, замѣсто тросточки ломъ очутился, — всѣ эти водевили могли случиться-съ...: дѣло праздничное было... ну, а насчетъ губы, да еще ихней собственно — никакого смыслу нѣтъ... прошу полнаго оправданія-съ, потому ежели вы ей помироволите, она совсѣмъ сполна свою губу распуститъ... всѣхъ сосѣдней по мировымъ затаскаетъ...

— Свидѣтелей нѣтъ? — обращается судья къ истицѣ.

— А зубы то его, ваше превосходительство?.. Андрей Лукичъ, да покажите ему зубы!..

— Довольно-съ! — проговорилъ судья и наклонился писать рѣшеніе...

И. И. Мясницкій.

ЧАСЫ.

(Маленькая поучительная исторія).

Мои прекрасные новые часы шли цѣлыхъ полутора года, не отставая и не убѣгая впередъ; за все это время въ нихъ не попортилось ни одна часть механизма, и они ни разу не остановились. Я уже сталъ считать показанія ихъ относительно времени и часа непогрѣшимыми, а ихъ скелетъ и строеніе вѣчными.

Но однажды вечеромъ я позабылъ изъ завести. Я очень опечалился, какъ будто это должно было служить предзнаменованіемъ неминуемаго грядущаго бѣдствія. Но мало по малу я нѣсколько развеселился, поставилъ часы наугадъ и постарался откинуть свои суевѣрныя предчувствія.

На слѣдующій день я зашелъ въ первый попавшійся часовой магазинъ, чтобы поставить часы правильно. Владѣлецъ магазина взялъ у меня часы и поставилъ ихъ за меня. Потомъ сказалъ:

— Они отстаютъ на четыре минуты. Надо подвинуть регуляторъ.

Я хотѣлъ было остановить его, попытаться объяснить ему, что часы идутъ совершенно правильно. Но не тутъ то было: этотъ качанъ капусты въ человѣческомъ образѣ видѣлъ только одно, что часы отстаютъ на четыре минуты, и что регуляторъ нужно немножко подвинуть, и въ то время, какъ я тревожно вертѣлся около него, и умолялъ оставить часы въ покоѣ, онъ съ спокойной жестокостью совершилъ свое преступное дѣло.

Часы мои начали убѣгать впередъ. Съ каждымъ днемъ они уходили все дальше и дальше...

Въ первую недѣлю они захворали лихорадкой, и пульсъ ихъ достигалъ ста пятидесяти ударовъ въ тѣни. Черезъ два мѣсяца они далеко обогнали всѣ часы въ городѣ, и опередили календарь на тридцать дней. Они были уже въ ноябрѣ и наслаждались бѣлымъ снѣгомъ, тогда какъ октябрьская листва еще не шелестѣла на вѣтру. Они съ такой поразительной быстротой приближали время расплаты за квартиру и по всѣмъ счетамъ, что я началъ утрачивать спокойствіе.

Я отнесъ ихъ къ часовщику, чтобы урегулировать ихъ ходъ. Часовщикъ спросилъ меня, были ли они когда либо въ починкѣ.

—Нѣтъ, въ этомъ никогда не было надобности — отвѣтилъ я.

Глаза его сверкнули злорадствомъ, онъ поспѣшно открылъ крышку, приставилъ къ глазу какой-то стаканчикъ и сталъ разглядывать механизмъ.

Затѣмъ онъ сказалъ, что ихъ надо почистить, смазать и вывѣрить. Черезъ недѣлю я смогу зайти за ними.

Послѣ чистки, смазки и вывѣрки, часы мои пошли до того медленно, что тиканье ихъ походило на тиканье башенныхъ часовъ. Я сталъ опаздывать на поѣзда, опаздывалъ на свиданья и пропускалъ время обѣда. Часы превратили три льготныхъ дня въ четыре и довели до протеста мой вексель...

Постепенно я сталъ жить во вчерашнемъ днѣ, потомъ въ позавчерашнемъ; затѣмъ въ прошлой недѣлѣ, и мало по малу у меня укоренилось представленіе, что я одинъ еще барахтаюсь въ позапрошлой недѣлѣ, тогда какъ весь міръ уже исчезъ изъ моихъ глазъ.

Мнѣ стало казаться, что я испытываю нѣчто вродѣ товарищескихъ чувствъ къ музейнымъ муміямъ, и я ловилъ себя на желаніи подѣлиться съ ними новостями.

Я опять пошелъ къ часовщику.

Пока я выжидательно стоялъ у прилавка, онъ разобралъ весь механизмъ и сказалъ, что цилиндръ „разбухъ“. Онъ увѣрилъ меня, что черезъ три дня приведетъ его къ нормальному объему.

Послѣ этой операціи часы шли въ среднемъ хорошо, но и только. Полдня они шли, какъ олицетворенная злоба, и такъ лаяли, хрипѣли, кашляли и чихали, что я отъ этого шума не могъ слышать даже собственныхъ мыслей. И, пока это продолжалось, во всей странѣ не было часовъ, которые сравнялись бы въ этомъ отношеніи съ моими.

Но остатокъ дня они опять отставали и шли такъ медленно, что всѣ часы, которые они опередили, опять

нагоняли ихъ... Такимъ образомъ, по истеченіи 24-хъ часовъ, они приходили какъ разъ къ надлежащему мѣсту и указывали время правильно. Въ общемъ они показывали среднее время, и никто не могъ упрекнуть ихъ, что они болѣе или менѣе не исполняли своей обязанности.

Но вѣрное среднее время лишь сомнительное достоинство въ часахъ, и я опять отнесъ этотъ замѣчательный приборъ къ часовщику.

Этотъ сказалъ, что оборвался волосокъ. Я выразилъ удовольствіе, что не случилось ничего худшаго. По правдѣ сказать, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что это за волосокъ, но я не хотѣлъ обнаруживать своего невѣжества передъ незнакомымъ человѣкомъ.

Часовщикъ поправилъ волосокъ; но то, что часы выиграли въ одномъ отношеніи, они потеряли въ другомъ. Они шли нѣкоторое время, потомъ остановились, потомъ опять шли, и опять остановились, и такъ дальше, причемъ промежутки для этихъ дѣйствій они выбирали по своему усмотрѣнію. А всякій разъ, какъ они останавливались, они толкали меня въ грудь, какъ ружье, которое отдаетъ при выстрѣлѣ. Нѣсколько дней я подкладывалъ на грудь ваты, но наконецъ, понесъ ихъ опять къ часовщику.

Этотъ мастеръ разобралъ ихъ на мельчайшія частицы, потомъ сталъ изслѣдовать развалины въ лупу, и заявилъ, что вся суть въ валикѣ. Онъ исправилъ его, собралъ часы и пустилъ ихъ. Теперь они дѣлали свое дѣло хорошо, за исключеніемъ того, что каждый разъ за десять минутъ до десяти часовъ стрѣлки сцѣплялись, какъ ножницы, и подвигались вмѣстѣ. Самый древній и мудрый человѣкъ въ мірѣ не могъ бы при такихъ условіяхъ разобраться во времени.

Новый часовщикъ заявилъ, что расшатался камень и волосокъ запутался... Кромѣ того онъ замѣтилъ, что

половина механизма стерлась. Онъ возстановилъ все, и послѣ этого мой хронометръ сталъ изрѣдка, проработавъ, примѣрно, добросовѣстно, часовъ 8, пошаливать: внутренность вдругъ начинала жужжать, какъ пчела, стрѣлки принимались кружиться съ такой быстротой, что невольно приходилось усумниться въ ихъ составѣ, и онѣ казались мнѣ тонкой паутиной на циферблатѣ. Слѣдующіе 24 часа онѣ пронеслись въ 6-7 минутъ, затѣмъ съ трескомъ остановились и замерли на мѣстѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ я отправился еще разъ къ часовщику и снова наблюдалъ, какъ онъ разнималъ на части мои часы, затѣмъ я приготовился къ строгому перекрестному допросу, ибо дѣло приняло уже серьезный оборотъ. Первоначально часы стояли 200 долл., да за починки я заплатилъ, пожалуй, тысячи двѣ-три...

Пока я смотрѣлъ и ждалъ, я узналъ въ часовщикѣ стараго знакомаго — бывшаго пароходнаго механика, вовсе не отличавшагося особенными способностями и въ то время.

Онъ тщательно изслѣдовалъ всѣ части механизма, точь въ точь, какъ и прочіе часовщики, потомъ съ увѣренностью произнесъ приговоръ:

— Слишкомъ много пара... — вамъ надо придѣлать регуляторъ къ предохранительному клапану.

Я тутъ же разбилъ ему черепъ и похоронилъ его на собственный счетъ.

Мой дядя Вильямъ говаривалъ, обыкновенно, что хорошая лошадь хороша, пока не закинется, а хорошіе часы хороши, пока не попадутъ въ руки часовщику для починки, и съ удивленіемъ спрашивалъ иногда, куда дѣваются всѣ паяльщики, кузнецы, сапожники и оружейники, у которыхъ плохо идутъ дѣла? — Но никто никогда не могъ отвѣтить ему на этотъ вопросъ.

С. Клеменсъ.

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ ВЪ СЕЛѢ „ГНИЛЫЯ ВѢХИ“ ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

— Мужичковъ-то, мужичковъ что налетѣло седни; есть ноне хлѣбушка, неча Бога гнѣвить!

— Дядя Гаврила, занеси пропеллеръ-то: ишь, весь порядокъ загородилъ.

— Ой, глянька-ка, робя, Никита-то Ивановъ на какомъ дирижаблѣ со своей бабой валитъ; насосался, дьяволъ, нашей потъ-крови, ужъ аэропланъ его не держитъ... Ишь, рыло-то наѣлъ.

— Но только что, господинъ урядникъ, эта рыжая личность безусловно имѣла касаніе къ моему бензину, а что касаемо въ рыло, то извольте разсудить...

— А вотъ вин—ты! гай—ки! Весь воздушный наборъ тульской работы! Дядя, купи про запасъ.

— Нѣтъ, ты Ваня, эту Татаринову модель оставь: не поѣду я съ тобой; послѣ твоего-то аэроплана Марья Рябая сама, какъ воздушный шаръ, ходитъ!

— Куда, лѣшій, прешь! Ишь, зенки-то налилъ, Иродова твоя душа; остопай на мѣстѣ, остопай, тебѣ говорятъ, чертоломина гнилоголовая. Ну, завязалъ стабилизаторъ?

— ...а фершалъ-то, слышь, ткнулъ въ больное мѣсто ножемъ, да и говоритъ: неизлѣчимо; лети, братъ, въ губернію.

— Ухъ, ты, Никешка-то, Никешка-то что выдѣлываетъ; ай, да никакъ онъ, щукинъ сынъ, на урядника плюетъ съ верху-то, съ аэроплана! Дюже пьянъ, не упалъ бы, хорони Богъ!

— Вона, поднялся урядникъ... Вотъ сейчасъ его забагритъ. Тэкъ, тэкъ, тэкъ... Готово! Знаетъ Никешка свое дѣло: самъ къ холодной опускается...

— Почемъ нонѣ бензинъ-то, сватъ Михайло?

— Съ четвертакомъ, Иванъ Никифорычъ.

— Осподи-Батюшки! Опять, значитъ, акцизу набавили!

— Акцызъ!

— ...А захирѣлъ нашъ Лутоханскій баринъ, Митрія-то Иваныча покойнаго сынокъ, какъ есть захирѣлъ. Бывало претъ на заграничномъ Цеппелинѣ, — успѣвай пропеллеры заворачивать! А теперь вонъ—на монопланишкѣ скорчился.

— Э-эхъ! Казенку долго отпираютъ!

— Не торгуйся, борода, вѣдь, прямо сказать, понимаешь ты въ этомъ товарѣ, какъ моторъ въ бабѣ. Ну, по три пятіалтынныхъ.

— ...Нѣтъ, говоритъ, милые родители, какъ привыкъ я въ Москвѣ къ чистой жизни, то не могу вашей сѣрости переносить. У богатаго купца, слышь, теперь въ пилотахъ состоитъ. Связался тамъ съ мамзелью, а родителямъ—шишь!

— Бей его, бей, я его знаю!

— Ой, православные! Ой!

— Ванька, что это тамъ шумятъ?

— Да должно аэрокрадовъ пымали...

— Ой, братцы, ой, ей Богу, Ой, ой!..

— Бей его!

— Эть-то что за народъ собрамши? Рразлетись! Рразлетись, собачьи дѣти!!!

С. Львовичъ.

ДВОЙНИКЪ.

Молодой человѣкъ Колесакинъ называлъ себя застѣнчивымъ весельчакомъ.

Пріятели называли его забавникомъ и юмористомъ, а уголовный судъ, если бы веселый Колесакинъ попалъ

подъ его отеческую руку, разошелся бы въ оцѣнкѣ характера веселаго Колесакина и съ нимъ самимъ и съ его колесакиновыми пріятелями.

Колесакинъ сидѣлъ на вокзалѣ небольшого провинціальнаго города, куда онъ пріѣхалъ на одинъ день по какому-то вздорному порученію тетки.

Его радовало все: и телячья котлета, которую онъ ѣлъ и вино, которое онъ пилъ, и какая-то заблудшая дѣвица въ голубенькой шляпкѣ за сосѣднимъ столикомъ— все это вызывало на пріятномъ лицѣ Колесакина веселую, благодушную улыбку.

Неожиданно за его спиной раздалось:

— А-а! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!!!

Колесакинъ вскочилъ, обернулся и недоувѣвающе взглянулъ на толстаго краснаго человѣка, съ лицомъ, блестѣвшимъ отъ скупого вокзальнаго свѣта, какъ мѣдный шаръ.

Красный господинъ привѣтливо протянулъ Колесакину руку и долго трясъ ее, будто желая вытрясти все колесакинское недоумѣніе.

— Ну, какъ же вы, батенька, поживаете?

— Чортъ его знаетъ — подумалъ Колесакинъ, — можетъ быть, дѣйствительно, гдѣ-нибудь познакомились. Неловко сказать, что не помню.

И отвѣтилъ:

— Ничего, благодарю. Вы какъ?

Мѣдный толстякъ расхохотался.

— Хо-хо! А что намъ сдѣлается!? Ваши здоровеньки?

— Ничего... Слава Богу, — неопредѣленно отвѣтилъ Колесакинъ и, изъ вѣжливаго желанія поддержать съ незнакомымъ толстякомъ разговоръ, спросилъ:

— Отчего васъ давно не видно?

— Меня-то что! а вотъ вы, дорогой, забыли насъ совсѣмъ. Жена и то спрашиваетъ... Ахъ, чортъ возьми,

— вспомнилъ! Вѣдь вы меня, навѣрное, втайнѣ ругаете?

— Нѣтъ, — совершенно искренно возразилъ Колесакинъ. — Я васъ никогда не ругалъ.

— Да, знаемъ... — хитро подмигнулъ толстякъ. — А за триста-то рублей! Курьезно! Вмѣсто того, чтобы инженеръ бралъ у поставщика, инженеръ далъ поставщику! А вѣдь я, батенька, въ тотъ же вечеръ и продулъ ихъ, признаться.

— Неужели?

— Увѣряю васъ! Кстати, что вспомнилъ... Позвольте разсчитаться. Большое мерси!

Толстякъ вынулъ похожій на обладателя его, такой же толстый и такой же мѣдно-красный бумажникъ и положилъ передъ Колесакинымъ три сотенныхъ бумажки.

Въ Колесакинѣ стала просыпаться его веселость и юморъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ онъ, принимая деньги. — А скажите... не могли бы вы — услугу за услугу — до послѣ-завтра одолжить мнѣ еще четыреста рублей? Платежи, знаете, разсчетъ срочный... послѣзавтра я вамъ пришлю, а?

— Сдѣлайте одолженіе! Пожалуйста! Въ клубѣ какъ-нибудь столкнемся — разсчитаемся. А, кстати: куда дѣвать тѣ доски, о которыхъ я вамъ писалъ? Чтобы не заплатить намъ за полежалое.

— Куда? Да свезите ихъ ко мнѣ, что-ли. Пусть во дворѣ полежатъ.

Толстый господинъ такъ удивился, что высоко поднялъ брови, вслѣдствіе чего маленькіе заплывшіе глазки его впервые, какъ будто, глянули на свѣтъ Божій.

— Что вы! Шутить изволите, батенька? Это три-то вагона?

— Да!—рѣшительно и твердо сказалъ Колесакинъ. — У меня есть свои соображенія, которыя... Однимъ сло-

вомъ, чтобы эти доски были доставлены ко мнѣ—вотъ и все. А пока позвольте съ вами раскланяться. Человѣкъ! Получи! Женѣ привѣтъ!

— Спасибо! — сказалъ толстый поставщикъ, трася руку Колесакина. — Кстати, что Эндимоновъ?

— Эндимоновъ? Ничего, по прежнему.

— Рипается?

— Ого!

— А она что?

Колесакинъ пожалъ плечами.

— Что-жъ она... Вѣдь вы сами кажется знаете, что своего характера ей не передѣлать.

— Совершенно правильно, Вадимъ Григорьичъ! Золотыя слова. До свиданья.

Это былъ первый веселый поступокъ, совершенный Павлушей Колесакинымъ. Второй поступокъ совершился черезъ часъ въ сумеркахъ деревьевъ городского чахлаго бульвара, куда Колесакинъ отправился послѣ окончанія несложныхъ теткиныхъ дѣлъ.

Навстрѣчу ему со скамейки поднялась стройная женская фигура и послышался радостный голосъ:

— Вадимъ! Ты?! Вотъ ужъ не ждала тебя сегодня! Однако, какъ ты измѣнился за эти двѣ недѣли! Почему не въ формѣ?

— А она прехорошенькая! — подумалъ Колесакинъ, чувствуя пробужденіе своего неугомоннаго юмора. — Моему двойничку инженеру живется, очевидно, превесело...

— Надоѣло въ формѣ! Ну, какъ ты поживаешь? — любезно спросилъ веселый Колесакинъ, быстро овладѣвая своимъ страннымъ положеніемъ. — Поцѣлуй меня, дѣточка.

— Ка-акъ? Поцѣлуй? Но вѣдь тогда ты говорилъ, что намъ самое лучшее и честное разстаться?

— Я много передумалъ съ тѣхъ поръ, — сказалъ

Колесакинъ дрожащимъ голосомъ, — и рѣшилъ, что ты должна быть моей! Сядемъ вотъ здѣсь... Тутъ темно. Садись ко мнѣ на колѣни...

— А знаешь, что — продолжалъ онъ потомъ, тронутый ея любовью, — переѣзжай послѣзавтра ко мнѣ! Заживемъ на славу.

Дѣвушка отшатнулась.

— Какъ къ тебѣ? А... жена?

— Какая жена?

— Твоя!

— Ага!... Она не жена мнѣ. Не удивляйся, милая! Здѣсь есть чужая тайна, которую я не вправѣ открыть до послѣзавтра... Она — моя сестра!

— Но вѣдь у васъ же двое дѣтей!

— Пріемныя! Остались послѣ одного нашего друга. Старый морской волкъ... Утонулъ въ Индійскомъ океанѣ. Отчаянію не было предѣловъ... Однимъ словомъ, послѣзавтра собирай всѣ свои вещи и прямо ко мнѣ на квартиру.

— А... сестра?

— Она будетъ очень рада. Будемъ воспитывать вмѣстѣ дѣтей... Научимъ уважать ихъ память отца!... Въ долгіе зимніе вечера... Поцѣлуй меня, мое сокровище.

— Господи... Я, право, не могу опомниться... Въ тебѣ есть что-то чужое, ты говоришь такія странныя вещи...

— Оставь. Брось... До послѣзавтра... Мнѣ теперь такъ хорошо... Это такія минуты, которыя, которыя...

. . . .

Въ половинѣ одинадцатаго ночи весельчакъ Колесакинъ вышелъ изъ сада, утомленный, но довольный собой, и, по прежнему, готовый на всякія веселыя авантюры

Кликнулъ извозчика, поѣхалъ въ лучшій ресторанъ

и, войдя въ освѣщенную залу, былъ встрѣченъ низкимъ поклонами метрдотеля

— Давненько не изволили... забыли насъ, Вадимъ Григорьичъ. Николай! Столъ получше гоподину Зайцеву. Пожалуйте-съ!

На эстрадѣ игралъ какой-то дамскій оркестръ.

Рѣшивъ твердо, что завтра съ утра нужно уѣхать, Колесакинъ сегодня разрѣшилъ себѣ кутнуть.

Онъ пригласилъ въ кабинетъ двухъ скрипачекъ и барабанщицу, потребовалъ шампанскаго, винограду и сталъ веселиться...

Послѣ шампанскаго показывалъ жонглированіе двумя бутылками и стуломъ. Но когда разбилъ нечаянно бутылкой трюмо, то разочаровался въ жонглированіи и обрушился съ присущимъ ему въ пьяномъ видѣ мрачнымъ юморомъ на рояль: билъ по клавишамъ кулакомъ, крича въ то же время:

— Молчите, проклятыя струны!

Въ концѣ концовъ, онъ своего добился: проклятыя струны замолчали, за что буфетчикъ увеличилъ длинный и печальный счетъ на 150 рублей...

Потомъ Колесакинъ потанцовалъ на столѣ, покрытомъ посудой, граціозный танецъ неизвѣстнаго наименованія, а когда въ сосѣднемъ кабинетѣ возмутились и попросили вести себя тише, то Колесакинъ отомстилъ за свою поруганную честь тѣмъ, что, схвативши маленькій барабанъ, прорвалъ его кожу и нахлобучилъ на голову поборника тишины.

Писали протоколъ. Было мокро, смято и печально. Всѣ разошлись, кромѣ Колесакина, который, всѣми покинутый, диктовалъ околодочному свое имя и фамилію:

— Вадимъ Григорьичъ Зайцевъ, инженеръ. Счетъ на 627 рублей 55 копѣекъ Колесакинъ велѣлъ отослатъ къ себѣ на квартиру.

— Только пожалуйста, послѣзавтра!

Уѣзжалъ Колесакинъ на другой день рано утромъ, веселый, ощущая въ карманѣ много денегъ и въ головѣ пріятную тяжесть.

Когда онъ шелъ по пустынному перрону, сопровождаемый носильщикомъ, къ нему подошелъ высокій, щеголеватый господинъ и строго сказалъ:

— Я васъ поджидаю! Мы, кажется, встрѣчались... Вы — инженеръ Зайцевъ?

— Да!

— Вы не отказываетесь отъ того, что говорили на прошлой недѣлѣ на журфиксѣ Заварзѣевыхъ?

— У Заварзѣевыхъ? Ни капельки! — твердо отвѣтилъ Колесакинъ.

— Такъ вотъ вамъ. Получите!

Мелькнула въ воздухѣ холеная рука и прозвучала сильная глухая пощещина.

— Милостивый государь! — вскричалъ Колесакинъ, пошатнувшись, — за что вы деретесь?..

— Я буду бить всякаго мерзавца, который станетъ утверждать, что я нечестно играю въ карты!

И повернувшись сталъ удалятъся. Колесакинъ хотѣл догнать его и сообщить, что онъ—не Зайцевъ, что онъ пошутилъ... Но рѣшилъ, что уже поздно...

Когда ѣхалъ въ поѣздѣ, деньги уже не радовали его и безпечное веселье потускнѣло и съежилось...

И при всей смѣшливости своей натуры, — веселый Колесакинъ совершенно забылъ потѣшиться въ душѣ надъ страннымъ и тяжелымъ положеніемъ инженера Зайцева на другой день.

Аркадій Аверченко.

Религія цыгана.

— Цыгане, якои ты виры?

— А тоби якои треба?

МОРСКІЕ СИГНАЛЫ.

Мы катались по Невѣ.

Нева, это — огромная рѣка, которая впадаетъ сразу въ двѣ стороны — въ Ладожское озеро и въ Балтійское море. Поэтому плавать по ней очень трудно. Но съ нами былъ Ныряловъ, бывшій морякъ, который справлялся и не съ такими задачами. Онъ гребъ все время одинъ и болталъ веслами въ разныя стороны. Такимъ образомъ лодка стояла на одномъ мѣстѣ и было скучно, но у моряковъ, кажется, это очень цѣнится. Называется это у нихъ „зашкваривать" или что-то въ этомъ родѣ.

Пѣли по обычаю „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ". На водѣ всегда поютъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ". Но едва затянули „На носу сидитъ хозяинъ", какъ увидѣли большое судно, стоявшее у берега.

— Это оно отшвартовалось, — сказалъ бывшій морякъ.

Мнѣ не хотѣлось показать, что я не поняла слова, и я только замѣтила:

— Само собою разумѣется! Но какъ вы это узнаете?

— Что „это?"

— Да что это съ нимъ произошло. Именно это, а не другое?

Но морякъ уже не слушалъ меня, а всматривался въ какіе-то лоскутки, развѣвавшіеся на мачтахъ.

— Эге! — сказалъ онъ. — Любопытно! Вѣдь это они сигнализируютъ. Въ морѣ сигналы всегда дѣлаются посредствомъ небольшихъ флаговъ.

— А что-же значитъ этотъ сигналъ?—спросили мы.

— Это? Гм... Два слѣва... одинъ выше... Это значитъ „мы на мели“.

— Ай-ай-ай! Несчастные!

— Что-же дѣлать? Мы во всякомъ случаѣ помочь имъ не можемъ. Придется подождать. Скоро другія суда замѣтятъ и придутъ на помощь.

Мы остановились, причалили къ берегу и стали наблюдать. Черезъ нѣсколько минутъ на кораблѣ появились еще два флага. На этотъ разъ оба были цвѣтные.

— Это что же?

Морякъ заволновался.

— Два пестрыхъ... два бѣлыхъ... „Голодаемъ“.

— Несчастные!

— Вотъ еще одинъ флагъ!

— Три пестрыхъ, два бѣлыхъ... „нѣтъ воды“.

— Какой ужасъ!

— Еще флаги! Сразу четыре!

— Позвольте! Не кричите! Дайте разобраться. Вы думаете это такъ просто? Теперь уже девять флаговъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что это значитъ „сдаемся безъ боя“.

— Значитъ, это иностранное судно?

— А кто его разберетъ! Очень близко подойти опасно. Они могутъ дать залпъ.

— Чего ради?

— Какъ, чего ради! Люди въ такомъ опасномъ положеніи. Нервы напряжены до крайности! Каждая минута дорога и все кажется зловѣщимъ. Вы не понимаете психологіи гибнущаго въ морѣ. Да они васъ въ клочки разорвутъ!

Мы притихли.

А количество страшныхъ флаговъ все увеличивалось.

Морякъ уже не объяснялъ намъ значеніе каждаго

сигнала. Онъ только безнадежно махалъ руками и лишь изрѣдка бросалъ отдѣльныя слова:

— „Свирѣпствуетъ зараза“!

— „Пухнемъ съ голоду“!

— „Сдаемся безъ выстрѣла“!

Мы молча предавались ужасу.

— Какая величественная картина, — шепнулъ кто-то изъ насъ. — Точно громадный звѣрь погибаетъ.

— Ужасно! Ужасно!

— „Идемъ ко дну“! — завопилъ вдругъ морякъ. — Все кончено — они идутъ ко дну! Мы должны немедленно отплыть подальше! Иначе насъ затянетъ въ воронку и мы утонемъ вмѣстѣ съ ними. Гребите скорѣе!

Мы схватились за весла. Морякъ уже не гребъ, а только дирижировалъ. Онъ даже забылъ про то, что Нева сразу впадаетъ въ два конца и не препятствовалъ намъ болтать веслами въ одну сторону.

Отплыли, завернули за берегъ.

— Посмотрите, виденъ-ли онъ еще. Я самъ не могу, мнѣ слишкомъ тяжело...

— Виденъ!

— Несчастные! Какъ они медленно погружаются!

Отъѣхали еще немножко.

— Видѣнъ?

— Виде—енъ!

— О, господи! Минуты-то какія!

Вдругъ, смотримъ, идутъ по берегу два матроса. Такъ что-то въ сердце и екнуло...

— Братцы, вы откуда? Вы куда?

— А изъ городу. Идемъ на энтотъ самый.

Тычутъ большими пальцами прямо въ сторону гибнущаго корабля.

— Да, что вы! Да вы посмотрите, что тамъ дѣлается-то! Али вамъ съ берега не видать?

— Какъ не видать! Видать!

— А что на мачтѣ-то виситъ? А? Несчастные вы!

— А ничего! Пущай себѣ виситъ! Это наша команда рубахи стирала, такъ вотъ повѣсила. Не извольте пужаться. Оно къ вечеру подсохнетъ...

Тэффи.

ВѢ СКАЗОЧКИ

Ѳ. Сологуба.

1.

СМЕРТЕРАДОСТНЫЙ ПОКОЙНИЧЕКЪ.

Былъ такой смертерадостный покойничекъ,—ходитъ себѣ по злачному мѣсту, зубы скалитъ, и очень весело радуется. Другіе покойники его унимать, корить было стали, говорятъ:

— Ты бы лежалъ смирнехонько, ожидая Страшнаго Суда, — лежалъ бы, о грѣхахъ сокрушался.

А онъ говоритъ:

— Чего мнѣ лежать, — я ничего не боюсь.

— Сколь много ты нагрѣшилъ на землѣ, все это разберутъ и пошлютъ тебя въ тартарары, въ адскую преисподнюю, въ геену огненную, на муки мученическія, на вѣки вѣчные, — смола тамъ будетъ кипучая, огонь воспылаетъ неугасимый, а демоны-то, зѣло страховитые, будутъ мукамъ нашимъ радоваться.

А смертерадостный покойничекъ знай себѣ хохочетъ:

— Небось, — говоритъ, — меня этимъ не испугаешь, — я р а с с е й с к і й.

2.

ЛУЧИШКА ВЪ ТЕМНИЧКѢ.

Пришли лучи къ Солнцу, разбираютъ себѣ подорожныя. Одинъ лучъ говоритъ:

— Я нынче во дворецъ пойду.

Другой говоритъ:

— Я по Невскому погуляю.

Третій говоритъ:

— А я по полямъ пройдусь.

Четвертый говоритъ:

— А я въ рѣчкѣ выкупаюсь.

Всѣ хорошія мѣста разобрали, и побѣжали было, да Солнце кричитъ:

— Стойте, братцы, вотъ еще есть мѣстечко, — темная темничка, гдѣ сидитъ бѣдный заключенный.

Всѣ лучи заговорили жалобно:

— Въ темной темничкѣ сыро, въ темной темничкѣ грязно, въ темной темничкѣ скверно пахнетъ, — не хотимъ итти въ темную темничку.

Поймало Солнце одного лучишку за волосенки, говоритъ:

— Ты вчера шалилъ много, въ непоказанныя мѣста заглядывалъ, — побывай въ темной темничкѣ хоть пять минуточекъ.

Заплакалъ бѣдный лучишка, да нечего дѣлать, нельзя Солнцева приказа не исполнить. Побылъ пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ, — кислый, злой, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ.

Умная баба.

Идетъ баба на базаръ. Ѣдетъ малороссъ.

— Сидай, бабо, пидвезу тебе!

— Та, ніколы, сыночку, треба швыдче йиты.

ГРѢШНИЦА АГАША

У воротъ рая.

Агаша часто пить любила
Въ компаніи мужчинъ,
И ночи на-пролетъ кутила...
Въ печальный день одинъ
Агаша, ѣвши черносливъ,
За что-то разсердилась,
И, кость той сливы проглотивъ,
Она ей подовилась.
Она ругалась и тряслась,
Въ мученьяхъ умирая...
Душа Агаши вознеслась
Затѣмъ къ воротамъ рая.
Своей привычки, злиться, тамъ
Она не позабыла
Ругаясь, съ чувствомъ, къ воротамъ
Агаша подступила.
— Кто нарушаетъ нашъ покой
У вратъ обители святой? —
Воскричалъ Адамъ, сердясь со сна, —
Свята обитель наша!
И крикнула въ отвѣтъ она:
— Я! Шустова Агаша!
Пусти, хочу войти къ вамъ!
Да ну-же, отворяй-ка!
— Какъ! ты пробраться хочешь къ намъ?
Пошла вонъ, негодяйка!
— Ужъ мнѣ вѣрнѣе знать, кто я?
А ты молчи, угодникъ!

Не хуже вѣрно я тебя!
Ты первый грѣховодникъ!
Когда бъ ты яблоко не жралъ,
Мы-бъ всѣ попали въ рай...
Чего, Адамъ, ты замолчалъ?
Скорѣе отвѣчай.
Не на таковскую попалъ...
Вдругъ вздумалъ раскричаться...
И уши правѣдникъ зажалъ
И поспѣшилъ убраться.
Іаковъ подошелъ къ вратамъ:
— Пошла, Агаша, къ чорту,
Здѣсь нѣтъ подобнымъ госпожамъ.
Небеснаго комфорту!
— Ишь, храбрый мой герой!
Агаша отвѣчала, —
Найдешь грѣшки и за тобой,
Ты первый надувало!
Ты замолчи, не принимай
Меня, братъ, ты за дуру!
За то-ль тебя пустили въ рай,
Что влѣзъ ты въ козью шкуру?
Отца слѣпого ты надулъ
И брата... Что, попался?
Тутъ патріархъ нашъ повернулъ
Оглобли и убрался...
Охота Ною вдругъ пришла
За Якова вступиться.
Агаша даже не дала
И рту его раскрыться:
— Какъ! И тебя здѣсь терпитъ Богъ?
На что-жъ это похоже?
Неужто райскій вашъ чертогъ
Такая краситъ рожа?
Припомню, сударь мой, я вамъ,

Какъ пьянымъ нализались
И на потѣху сыновьямъ
Совсѣмъ нагимъ валялись.
Отъ этихъ горькихъ, злыхъ рѣчей
Нашъ старецъ застыдился
И, покраснѣвъ какъ ракъ, скорѣй
Отъ дерзкой удалился.
— Что здѣсь за шумъ и гамъ такой?
Юдифь вскричала рѣзко, —
— Какъ! развѣ сдѣлалась святой
И ты, головорѣзка?!
Но тутъ явился царь Давидъ,
Онъ за Юдифь вступился.
И гнѣвомъ взоръ его горитъ,
Онъ бранью разразился:
— Каналія! Милліонъ чертей!
Скандалъ ты затѣваешь?
Изволь убраться поскорѣй!
Покой ты нарушаешь...
Ему въ отвѣтъ она: — Со мной
Не смѣешь, царь, ругаться.
Была-бъ я Урія женой,
Не смѣлъ бы огрызаться.
Ты, скандалистъ, жену забралъ,
А муженька на бой послалъ!
Но тутъ явился Соломонъ.
— Что чушь нагородила?
Безумная! — воскликнулъ онъ, —
Ты въ брюхо спиртъ налила?
— Безумный, старый ты уродъ!
Я выведу на-чисто:
Не ты-ли женъ набралъ семьсотъ
Да подставныхъ штукъ триста?
Пророкъ Іона ей сказалъ:
Агашка, ловкій зубоскалъ,

И въ немъ порокъ сыскала
— И ты здѣсь, рвотное? Дуракъ!
Ему она сказала.
Тебѣ въ отвѣтъ напомню, какъ
Кита тобою рвало.
Пророкъ Агашей оскорбленъ
Во гнѣвѣ удалился онъ.
Агаша стоя у воротъ,
Во слѣдъ ему: — Скотина!
Но вдругъ увидѣла — идетъ
Марія Магдалина.
— Вы оскорбили здѣсь всѣхъ насъ.
Хотя мы грѣхъ прощаемъ,
Но запрещенъ проходъ для васъ —
Такихъ мы не впускаемъ,
— Но въ рай, мнѣ кажется, впускать
Совсѣмъ не ваша воля.
Васъ можно ягодкой назвать
Изъ нашего же поля...
Вамъ двери рая Богъ открылъ
За добродѣтель вашу?
Онъ милосердъ, онъ васъ простилъ,
Проститъ онъ и Агашу.
Но Павелъ ей сказалъ тогда:
— Тебѣ вѣдь объясняютъ!
Войти къ намъ въ райскія врата
Грѣхи тебѣ мѣшаютъ.
— Грѣхи грѣхами! Я грѣхи
Оставлю за вратами,
Припомни, Павелъ, ты свои:
И ты не чистъ дѣлами!
Тебѣ-то рай за что вѣдь данъ?
Для самооправданья,
А не за то, что ты христьянъ
Такъ предавалъ мученьямъ.

Она терпѣнье потеряла
Стучать въ ворота стала:
— Людъ праведный! Впустите!
Отвѣтилъ Павелъ: — Не стучите!
Иначе я какъ двину
И въ адъ, мадамъ, васъ скину!..
Но тутъ небесный сводъ раскрылся,
Самъ Богъ къ Агашѣ вдругъ явился.
Агаша пала на колѣни
Передъ творцомъ въ слезахъ, въ моленьи:
— Охъ, каюсь я! прости, прости!
Грѣхи мои ты отпусти!
Грѣхи Агашѣ Богъ простилъ,
Ворота рая ей открылъ...

(„Ж. и С.").

ПРЕСТУПНИКИ.

(Разсказъ)

Спавшаго пристава 2-го стана Бухвостова разбудили и собщили, что мужики привезли на его усмотрѣніе двухъ пойманныхъ ими людей: Савелія Шестихатку и неизвѣстнаго, скрывшаго свое имя и званіе.

Въ препроводительной бумагѣ изъ волости сообщалось, что присланные люди нарушили „уголовныя узаконенія на предметъ наказаній за гражданскія несоотвѣтствія"...

Ниже писарь простымъ человѣческимъ языкомъ сообщалъ, что пойманные вели себя ниже всякой критики: Шестихатка ворвался къ арендатору еврею Зальману, перебилъ и переломалъ всѣ его вещи, ранилъ ручкой отъ сковороды жену арендатора, а арендаторову сыну оторвалъ ухо; доставленный въ волость, избилъ волостного

старшину, выбилъ десятскому зубы, а ему, писарю, пытался повредить переднія конечности...

Оторванное ухо и два выбитыхъ зуба препровождались здѣсь же при бумагѣ, завернутые въ заскорузлую, пропитанную кровью, тряпку.

Второй — неизвѣстный человѣкъ — былъ уличенъ въ томъ, что пойманный на огородахъ, не могъ назвать своего имени, а при обыскѣ у него нашли пачку прокламацій, бомбу и рыжую фальшивую бороду.

Приставъ Бухвостовъ прочелъ препроводительную бумагу, засвисталъ и, почесавъ небритую щеку, проворчалъ:

— Прохвостъ — народъ.

И по его лицу нельзя было узнать, о комъ онъ думалъ: о мужикахъ, нарушившихъ его сонъ, Шестихаткѣ, оторвавшемъ ухо арендаторову сыну, или о неизвѣстномъ, занимавшемся темнымъ, таинственнымъ и ужаснымъ дѣломъ.

Приставъ открылъ дверь изъ канцеляріи въ переднюю и крикнулъ десятскому:

— Пускай по очереди!

Въ комнату вошелъ высокій черный мужикъ въ коротенькомъ армячкѣ, съ узенькими калмыцкими глазками и волосами, вѣеромъ топорощившимися на его шишковатой костистой головѣ.

Онъ остановился у стола и угрюмо потупилъ взоръ на носокъ лѣваго разованнаго сапога.

Приставъ Бухвостовъ быстро подошелъ къ нему, энергичнымъ движеніемъ руки взбросилъ кверху его опущенную голову и, прищурясь, сказалъ:

— Хорошо!.. Эхъ ты, Шестихатка! Тебѣ не Шестихаткой быть, а...

Приставъ хотѣлъ сказать что-то очень забавное, что заключало бы въ себѣ юмористическое переиначиванье фамиліи Шестихатки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, звучало бы на-

смѣшкой надъ его поведеніемъ, но — вмѣсто этого, приставъ неожиданно докончилъ:

— ...А сволочью!

Потомъ приставъ Бухвостовъ перешелъ на серьезный, дѣловитый тонъ.

— На тебя вотъ доносятъ, что ты устроилъ арендатору погромъ, оторвалъ его сыну ухо, избилъ старшину и выбилъ десятскому зубы. Правда это?

Черный мужикъ посмотрѣлъ исподлобья на пристава и прогудѣлъ:

— Правда.

— Извольте видѣть, — всплеснулъ руками приставъ. — Онъ же еще и признается! Что тебѣ сдѣлалъ арендаторъ?

Мужикъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на пристава и сказалъ:

— Я жидовъ завсегда бью.

— За что же ты ихъ бьешь?

— Они Христа мучили, а также не уважаютъ начальство. Я за неуваженіе больше.

— Гм... — замялся приставъ.—Но драться ты все-таки не имѣешь права!

— Да какъ, — развелъ руки мужикъ, — Я имъ говорю: дайте срокъ, господинъ губернаторъ всѣхъ васъ перевѣшаетъ, а онъ мнѣ, — арендаторъ — говоритъ: что мнѣ твой губернаторъ, — я его за три рубля куплю!

— Неужели такъ и сказалъ!

— Форменно! Обожди, говорю, будетъ извѣстно господину приставу объ твоихъ словахъ! А онъ, паскуда, смѣется: ежели говоритъ, губернаторъ у васъ три цѣлковыхъ стоитъ, такъ пристава за полтинникъ пріобрѣсти можно. А-а, говорю... такъ?

Приставъ неожиданно захохоталъ.

— Такъ ты... значитъ... сыну... **Ухо?**

— Начисто! Форменно. Потому я такъ разсуж-

даю: ежели ты оскорбилъ мое начальство, господина пристава—имѣю я право твоему щенку ухи пообрывать? Имѣю. Форменно.

— Ха-ха! Ахъ ты, чудакъ! Этакая непосредственная душа. Но ты, однако, вотъ пишутъ — цѣлый кавардакъ тамъ устроилъ. Зачѣмъ арендаторшу сковородкой вздулъ?

— Она, ваше благородіе, насчетъ супруги вашей неправильно выразилась. Насчетъ добродѣтелей.

— А-а...—криво улыбнулся приставъ.—Хорошо-съ. Мы объ этомъ разспросимъ арендаторшу. Вотъ нехорошо только, братецъ, что ты старшину оскорбилъ и зубы выбилъ десятскому. Зачѣмъ?

— Они тоже. Я говорю: — не смѣйте меня брать, я за господина пристава старался, а они мнѣ: а что твой приставъ за такая цаца? Такъ и сказали—цаца! Потемнѣло у меня. Объ начальствѣ такъ??!! Ну, развернулся...

— Ха-ха! Ха-ха! Ты, я вижу, — не глупый парень... съ правилами! А дѣло твое придется прекратить —прекурьезное оно уже очень... Ступай, Шестихатка. Постой. Водку, небось, пьешь, Шестихатка?

Приставъ Бухвостовъ порылся въ карманѣ и вынулъ полтинникъ.

— На, выпьешь тамъ гдѣ нибудь.

— Форменно. Я бы, ваше благородіе, насчетъ сапожковъ взыскать съ вашей милости. Нѣтъ ли какихъ? Пообдержался я съ сапогами.

— Ладно ужъ! Веселый ты парень... Я тебѣ свои дамъ, ношенные — два мѣсяца всего носилъ. Такъ сковородкой ты ее?

— А мнѣ что? Трахнулъ, да и все. Съ ними такъ и нужно.

Приставъ вышелъ изъ канцеляріи въ спальню и черезъ минуту вынесъ сапоги.

— Вотъ — сказалъ онъ — Бери. Ступай, братъ! Иди себѣ.

— Ваше благородіе! Можетъ пальтишко какое...

— Ну, ну... иди ужъ! Довольно тебѣ! Не проѣдайся. Эй, Парфенъ! Выпусти его — пусть идетъ себѣ... Да тащи сюда другого. Прощай, Шестихатка. Такъ — цаца, говорятъ? Ха-ха! Ха-ха!

— Прощайте, ваше благородіе! Оно дальше еще смѣшнѣе будетъ. Желаю оставаться!

Десятскій ввелъ другого человѣка, привезеннаго мужиками, и, толкнувъ его для порядка въ спину, вышелъ.

— А-а, соколъ ясный! Леталъ, леталъ да и завязилъ коготъ... Давно вашего брата не приходилось видѣть... Какъ Эрфрутская программа поживаетъ?

Передъ приставомъ стоялъ небольшой, коренастый человѣкъ, съ бычачьей шеей, въ жокейской изодранной шапочкѣ и, опустивъ тяжелыя сѣрыя вѣки, молча, слушалъ:

— Конечно, объ вашемъ соціальномъ положеніи нечего и спрашивать: лиддитъ, мелингъ, нетроглицеринъ и тому подобный бикфордовъ шнуръ...

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, приставъ посмотрѣлъ въ лицо неизвѣстному и сухо спросилъ:

— Сообщиники есть?

— Не было, — тихо отвѣтилъ неизвѣстный.

— Ну, конечно. Я такъ и думалъ! Что жъ, господинъ ниспровергатель... Звѣрь вы, очевидно, красный: въ городъ намъ съ вами ѣхать придется. Ась?

— Да я изъ города и есть.

— Вотъ какъ? Какой же это вѣтеръ занесъ васъ на синюхинскіе огороды?

— Зачѣмъ мнѣ на синюхинскіе огороды? Я на Боркино ѣхалъ, ваше благородіе!

— Ну, да! Такъ что старшина и писарь и мужики оклеветали васъ? Бѣдненькій!

— Чортъ попуталъ, ежели такъ сказать!

— Не-уже-ли? Что вы говорите! Первый разъ слышу объ участіи этого господина въ вашихъ организаціяхъ... Небось, и на убійство шли не сами по себѣ, а наущаемые симъ конспираторомъ.

— Да убійства никакого не было! Такъ хотѣлъ... попугать.

— Конечно! Бросишь ее подъ ноги — легкій испугъ и нервное состояніе... Ха-ха! Ваша платформа, конечно, предусматриваетъ любовь и великодушіе къ ближнему? А? Что же вы молчите?

Неизвѣстный переступилъ съ ноги на ногу и сказалъ:

— Пьянъ былъ!

— Что-о-о!

— Пьянъ былъ. А они... За сѣно... тридцать копѣекъ. Развѣ это возможно?

— Какое сѣно? Что вы?

— Ихне. Я имъ говорю: — Христа на васъ нѣтъ, а они: — тамъ, говорятъ, есть или нѣтъ, а мы безъ разсчету Васьки не отпустимъ.

— Ничего не понимаю! Какой Васька?

— Чугрѣевскій. Я на чугрѣевскихъ ѣхалъ. И такъ мнѣ обидно стало! Ахъ, вы, говорю, такіе-сякіе. Пыли вашей не останется...

— Стой, стой, милый! Я ничего не разберу. Кому ты это сказалъ?

— Арендателю.

— Да бомба то здѣсь при чемъ?

— Бомба не при чемъ.

— Такъ чего же ты, чортъ тебя возьми, арендатора путаешь? Бомбу ты гдѣ взялъ?

— Не бралъ я ее, ваше благородіе. Зачѣмъ намъ, намъ чужого не нужно.

Приставъ побагровѣлъ.

— Да ты кто такой?!

— Опять же чугрѣевскій. Они: — тридцать копѣекъ, говоритъ, дозвольте. Ка-акъ? Гдѣ такой законъ, чтобы за гнилое сѣно? Ну, и пошлó...

— Что пошло?

— Съ пьянаго человѣка что взять, ваше благородіе? Извѣстно — ничего.

— Ты, братъ, что-то хвостомъ виляешь... Безтолковымъ прикидываешься! Мужичкомъ-дурачкомъ!!

— Дурачокъ и есть. Нешто вумный будетъ жиденятамъ ухи рвать? Спьяну. Зудъ у меня ручной. А какъ очухаешься, видишь — да-а-а... Завинтилъ!

Приставъ Бухвостовъ прыгнулъ къ неизвѣстному и вцѣпился ему въ горло.

— Ты... ты... какъ тебя... зовутъ?

— Меня. А Савеліемъ. У Чугрѣевыхъ въ амбарныхъ. Савелій Шестихатка по хвамеліи.

Приставъ Бухвостовъ оттолкнулъ отъ себя Савелія и съ ревомъ вылетѣлъ въ переднюю.

— Ушелъ? Упустили мерзавца?!

Оставшись одинъ, Савелій поднялъ недоумѣнно брови и сказалъ, обращаясь къ портрету въ золотой рамѣ:

— Вотъ поди жъ... Не выпьешь — ничего, а выпьешь — сичасъ въ восторгъ приходишь: тому ухо съ корнемъ выдралъ, этому зубы... Ежели съ такимъ характеромъ, то уховъ, братъ Шестихатка, для тебя жиденята не напасутся. Жирно!

Арк. Аверченко.

Бытовыя Сценки

МАСТЕРОВОЙ.

— Что ты?

— Да я, Кузьма Петровичъ, къ Вашей милости...

— Что?

— Такъ какъ, значитъ, очненно благодарны Вашей милости... почему что сызмальства у Васъ обиходъ имѣемъ.

— Такъ что же?

— Ничаво-съ!.. Таперича я, значитъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ... матушку, выходитъ, схоронилъ...

— Ну?

— Ну царство небесное, Кузьма Петровичъ... московское дѣло... за гульбой пойдешь...

— Да что жъ ты лясы-то все точишь?

— Извѣстно, какое наше дѣло...

— Денегъ, что-ли?

— Благодаримъ покорно... Туточка вотъ у Гужонкина ундеръ живетъ... у него, значитъ, сторожъ...

— Да.

— А она у него дочь...

— Ну?

— Въ прачешной должности состоитъ и портному обучена...

— Тебѣ-то какое же дѣло?

— То-есть... выходитъ... по своему дѣлу, а она у него... сторожъ...

— Такъ тебѣ-то что же?

— Законнымъ бракомъ хотимъ.

— Ну, такъ женись.

— То-то. Я вашей милости доложить пришелъ...

И. Ѳ. Горбуновъ.

„МЕРТВЕ ТИЛО“.

Ѣхалъ селомъ становой приставъ. Недалеко отъ волостного правленія онъ увидѣлъ на дорогѣ валявшуюся издохшую курицу. Замѣтивъ проходившаго мимо старшину, съ бляхой на кафтанѣ, приставъ подозвалъ его и спрашиваетъ:

— Ты кто такой?

— Гаврыло Очкурня, — отвѣтилъ старшина.

— А по службѣ кто ты такой

— Старшына.

— Если ты старшина, то что это такое?

— Хиба жъ вы не бачыте, — отвѣчаетъ старшина. Це жъ не голка, а цилисянька курка!

— А на что это похоже? — побагровѣлъ приставъ.

— Якъ бы не таки ногы та голова, то може бъ походыла и на гуску, — отвѣтилъ оробѣвшій старшина.

— А, такъ ты, болванъ, еще смѣяться вздумалъ? Отвѣчай: съ чѣмъ сообразны, на что похожи такія возмутительныя явленія?

Старшина, чувствуя, что у него подъ ногами земля колеблется, запинаясь, отвѣтилъ:

— З чымъ сообразна? Сообразна зъ журавлемъ, ваше благородіе!

— Да я тебя мерзавца за такіе отвѣты въ острогъ засажу — вскипѣлъ приставъ. — Я тебя спрашиваю, что это такое?

— Мабудь що птыця якась чужестороння!

— Знаю, что птица, а какъ ее теперь назвать?

— Богъ його святый знае, якъ вона буде по вашому на прозваніе, а по нашому се простісенька зозуляста курка, щобъ йій ще вдряге здохнуть проклятій!

— А по нашему это есть мертвое тѣло, которому лежать въ такомъ мѣстѣ никакъ не подобаетъ, ибо отъ

этого можетъ заразиться воздухъ, а отъ сего послѣдняго могутъ произойти разныя повальныя болѣзни. Дабы ты помнилъ это, штрафую тебя въ десять рублей, которые ты завтра долженъ доставить въ мою становую квартиру.

Съ этими словами онъ велѣлъ ямщику ударить по лошадямъ и уѣхалъ. Приказаніе пристава было старшиной исполнено, но черезъ самое короткое время приставъ получилъ слѣдующую „бумагу" отъ старшины;

— Рапортомъ рапортую, що вчерашьнього числа, чы то такъ позавчоранього нечувствительно и безъ усякого посторонняго подвожденія, наткнувся на смердяче, неизвѣстно кому принадлежащее мертвое тило з вырьовкою на шыи. Испрашую вашого скорійшого распоряженія, а то можетъ заразытьця воздухъ, а саме мерте тило з'йидять собакы, я идучы уже двохъ одигнавъ: Омелькового Бровка да дьякового Рябка, обыдва таки прокляти, що лыхо: тюрикъ у отця Мыкыты уси ковбасы зъ погреба повытягалы. О чимъ вашему благородію и доношу. Старшина Очкурня.

Черезъ три дня пріѣхали приставъ, слѣдователь, земскій врачъ и фельдшеръ. Очкурня привелъ ихъ въ одно мѣсто, гдѣ, къ великому изумленію прибывшихъ, лежала дохлая свинья. Докторъ набросился на него съ упреками, указывая на то, что это не „мертвое тѣло", а издохшая свинья. На упреки доктора Очкурня довольно резонно отвѣтилъ:

— Вы може й на здохлу курку сказалы-б — здохла курка, такъ якъ и я казавъ, та й и заплатылы бы десять карбовинцивъ штрафу. На око то воно тошно, що се здохла свыня, ну, а якъ пиде на дило, то се есть „мертве тило"...

Докторъ и слѣдователь разсмѣялись, а приставъ только густо покраснѣлъ...

С. Е—въ.

ПРОШЕНІЕ КАЗАЧЬЯГО УРЯДНИКА ИВАНА РЫКОВА.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего превосходительства, что жена моя Екатерина Епифановна, по отцу Семенова, жительствуя со мною 10 лѣтъ въ добромъ согласіи, неизвѣстно по какой причинѣ, изъ родительскаго дома моего ушла, оставивъ меня ни при чемъ и въ настоящее время проживаетъ съ казакомъ той-же станицы поселка Синешацовымъ на любовномъ положеніи, безсовѣстно ведетъ себя по отношенію къ моей нравственной антипатіи, чѣмъ елико возможно мараетъ мою субординацію, какъ человѣка состоящаго на службѣ, при этомъ совокупляю, что я жилъ съ нею не какъ какой нибудь звѣрь, и никакихъ тиранствій съ моей стороны не приносилъ, что могутъ показать свидѣтели, сосѣдніе казаки, а всегда обходился съ оной женой моею въ хорошихъ качествахъ, а что она хотя и говоритъ, что я испиваю, то это только ея голословность, такъ какъ она тоже занималась этой процедурой со мною вмѣстѣ поелику времени.

Обращался къ ней съ просьбой: войти снова въ мой отечественный домъ, для отправленія супружескихъ отношеній и на отказъ ея просилъ станичнаго атамана по этой субординаціи помочь мнѣ, но оный атаманъ, по неспособности своей, ничего не могъ съ нею сдѣлать.. А потому, въ виду того, что я еще человѣкъ молодой (имѣю всего 31 годъ и прилагаю для видимости метрическое свидѣтельство за № 8092) и что вслѣдствіе бодрости и пылкой натуры и работъ въ своей функціи, долженъ по закону и природѣ исполнять извѣстныя супружескія прилегаціи, что могъ бы, конечно, дѣлать и безъ помощи жены моей съ другими подобными ей супендіями, но боюсь, что она можетъ такую съ моей стороны субординацію признать недовольной и подать къ разводу черезъ кого слѣдуетъ за уязвленіе ея субъектаціи.

Я имѣю честь просить Ваше Превосходительство войти въ мое положеніе, вызвать въ судъ жену мою Екатерину Епифановну и указанныхъ свидѣтелей и присудить по разбору дѣла въ мою пользу, давать ей въ мою пользу мнѣ удовлетвореніе по медицинскому закону, на какой предметъ прошу выдать мнѣ исполнительный листъ, а также присудить съ казака Синешапова судебныя и за веденіе дѣла издержки и за незаконное якобы пользованіе моей женой.

Иванъ Рыковъ.

Списалъ **Э. А. Добровскій.**

ВЪ ГОСТЯХЪ У ВНУЧКИ.

— Кушайте, бабушка!

— А это что за ѣда-то?

— Антрекотъ, бабушка!

— Да ты съума сошла! Ни за что кошатины ѣсть не стану.

— Да это, бабушка, не кошатина, не котъ, а антрекотъ. Мясо такое, только аристократическое.

— А!.. Ну вели подать!

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

— Сколько стоитъ порція рыбы?

— Пятьдесятъ сентовъ.

— А хлѣбъ къ ней?

— Хлѣбъ дается безплатно.

— А сколько стоитъ котлета?

— Двадцать пять сентовъ.

— А соусъ къ ней?

— Соусъ безплатно.

— Дайте мнѣ, въ такомъ случаѣ, хлѣба съ соусомъ.

МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

Вечерѣетъ. Четверо дачниковъ, пошатываясь, усаживаются въ лодку.

— Садись на руль...

— По-поѣхали...

— Давайте, братцы, пѣсню...

— За-а-апрягу-ль я...

— Тиххо и плаввно качча...

— Внизъ по матушкѣ...

— Не рругайсь...

— П-п-петенька, ддержи нна-направленіе...

— Тиххо и плаввно кач-ча...

— П-петечка, ппо-пойми ннаправленіе, зю-ззюйдтень-вестъ и ни-никакихъ...

— Не шлепай весломъ, чо-чортъ...

— Тиххо и плавно качча...

— Ппетенька! Зю-зюйд-о-ост-тень-вестъ,—пррямо прійддемъ въ этотъ... н-ну какъ его...

— Въ Кллондайкъ?..

— Тиххо и плав-вно качча...

— По-поѣдемъ въ Го-Гонолуллу...

— Греби, братцы фуррорнѣй...

— Дружнѣе! Нав... вались...

— Тиххо и плав-в-но качча-ча-ясь...

. . . .

— Васинька! Гляди-ка — чудасія. Энти вотъ второй часъ гребутъ — ажно въ потъ бросило, а лодку то отвязать позабыли...

Н. Лидинъ.

ДРУЖБА...

Два друга обнялись крѣпко,
Но изъ того не вышелъ прокъ:
У одного пропала цѣпка,
А у другого — кошелекъ...

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

— Машка-а-а!

—У, косматый, лѣшій какъ спужалъ! Нежто не видишь, что я утокъ да гусей стерегу, чего заоралъ, какъ баранъ недорѣзанный?

— Эхъ, Машка, да я какъ тебя увижу, такъ орать хочется, потому знаешь, люблю тебя страсть!

— Ну и люби себѣ на здоровье... Те-га, те-га, те-га! уть-уть-уть! Те-га, тега, уть, уть, уть!

— Да будетъ тебѣ съ птицей то вожаться, — на меня то погляди!

— На кой ты мнѣ нуженъ, косматый-то?

— Вотъ узнаешь на кой! Эхъ, Машка, жить я безъ тебя не могу, енплюенція ты моя драгоцѣнная, вотъ что!

— Чего это ты меня полюбилъ-то? Говоришь, любишь, а самъ зеньки-то въ хороводѣ на Акульку Пьянчужкину пялишь, нешто я не видѣла!

— А это чтобъ тебя позлить...

— Вишь какой, самъ говоришь — любишь, а тутъ вотъ позлить хочется, значитъ, не любишь...

— Говорю-жъ тебѣ, что люблю... мнѣ и тятька говоритъ — выбирай Машку, чтобъ обсоюзиться. Нынче безпремѣнно Машка, гритъ, дѣвка здоровая, въ аккуратѣ — ну, вотъ и я, того, полюбилъ тебя... А ты вотъ ковчеряшнишься!..

— А на Акульку зеньки пялить не будешь?

— Завидно, что ли?

— Не завидно, а вотъ около сердца такъ и засосетъ, какъ на нее ты взглянешь — ну, думаю, всю морду ему раскровяню, какъ ко мнѣ подойдетъ!..

— Такъ я подошелъ — валяй!

— Ишь ты — небось, жалко!

— А жалко — значитъ любишь!

— У-у, косматый, лѣшій, все сейчасъ разнюхаетъ!

— Ты пойми, Машка, изба у тятьки новая, двѣ коровы, три лошади, все какъ слѣдуетъ, тулупъ у меня новый, валеньки тоже новые справилъ... И тебѣ тоже тулупъ новый и валеньки справлю, сейчасъ померетъ, шаль куплю... Выходи, Машка, что ли...

Машка долго смотритъ куда-то на гусей, утокъ, на бѣгущія по небу сѣрыя облака, и потомъ останавливаетъ свои большіе голубые глаза на парнѣ, и лицо ея озаряется веселой, доброй, широкой улыбкой...

Парень таетъ, и у него тоже лицо плыветъ, плыветъ и расплывается въ отвѣтную, еще болѣе радостную улыбку...

— Ну, что-жъ?

Машка закрываетъ руками глаза и шепчетъ:

— Засылай... сватовъ...

— Машка! Свѣтъ ты мой! Енплюенція ты моя драгоцѣнная!...

И оба бросаются другъ другу въ объятья.

П. Валдайскій.

ЗАРОКЪ.

Встрѣтились двое мастеровыхъ.

— Здорово.

— Здравствуй.

— Выпьемъ?

— Не могу.

— Что такъ?

— Зарокъ далъ...

— Какой?

— Чтобы не пить.

— Ну?

— Вѣрное слово.

— Да какой же зарокъ?

— А такой, что ежели запью снова, такъ ужъ больше не бросать...

МИКЫТА НА РЕГИСТРАЦІИ.

Въ „локалъ бордъ“ (воинское присутствіе) является Микыта Куцый.

Онъ по англійски не говоритъ, и ему дали переводчика.

— Какъ ваше имя?

— Микыта Куцый.

— Гдѣ живете?

— У вдовы Тараса Галушки, на тапномъ флорѣ, бъ бекѣ.

— Я васъ спрашиваю: на какой улицѣ?

— А тутъ, сейчасъ, за конеромъ, возлѣ салуна, Генріетовской прозывается.

— Номеръ дома?

— На што мнѣ номеръ? я и безъ него попадаю въ свой гаузъ. Первый съ корнера.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Сичасъ скажу. (Считаетъ по пальцамъ). Шесть лѣтъ мнѣ было, когда я въ первый разъ свиней пасъ, девять когда поступилъ къ Максиму, до восемнадцати былъ въ Херсонской губерніи у нѣмца, девять лѣтъ я въ въ американской контрѣ, значитъ всего 27 лѣтъ.

Когда вы родились?

— Мать сказывала, что съ пятницы на субботу.

— Женаты?

— Гдѣ тамъ! Я сватался разъ за Евдоху, но хто-то ей на зло подсказалъ, будто я кабана укралъ. Не хочу, гритъ, и отказала.

— Солдатомъ были?

— Недошло — въ Америку удралъ.

— Вы сытызенъ?

— А какъ я могу это знать?

— Бумаги имѣете?

— Да у меня въ румѣ много бумаги есть, сейчасъ принести могу.

— Гдѣ работаете?

— Сейчасъ стапаю.

— Ступайте! Вамъ дадутъ знать, когда явиться.

(„Ж. и С.“).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Сидитъ въ вагонѣ пассажиръ, около котораго разложено масса вещей.

Входитъ новый пассажиръ и, желая занять мѣсто, проситъ перваго убрать вещи.

— Не желаю.

— Какъ не желаете?

— Такъ, не желаю.

— Ну, такъ я позову кондуктора.

— Сдѣлайте милость.

На просьбы кондуктора убрать вещи, онъ отвѣчалъ тѣмъ же „не желаю“. Призвали контролера. Когда и ему онъ отвѣтилъ такъ же, контролеръ спросилъ его:

— Почему вы не желаете?

— Потому, что эти вещи не мои, — спокойно отвѣчалъ чудакъ.

ВЪ МАГАЗИНѢ.

Покупатель. Дайте мнѣ пожалуйста кофточку.

Продавщица. Какого размѣра?

Покупатель. Все равно какого.

Продавщица. Какого цвѣта?

Покупатель. Да все безразлично. Это кофточка для жены. Какая бы она ни была, все равно мнѣ придется придти мѣнять ее.

ХОРОШІЙ МАТЕМАТИКЪ.

Извѣстный американскій юмористъ Маркъ Твэнъ заходитъ однажды въ книжный магазинъ и велитъ себѣ подать извѣстную книгу.

— Какая ей цѣна? — спрашиваетъ юмористъ.

— Четыре доллара!

— Я журналистъ. Не имѣю-ли я, какъ таковой, права на извѣстную скидку? — спрашиваетъ Твэнъ.

— Конечно. 40 процентовъ.

— А какая скидка полагается романисту?

— Тоже 40 процентовъ.

— Отлично! А для членовъ церковнаго общества?

— Тоже сорокъ!

— Ну, а скажите, пожалуйста, какъ членъ общества американскихъ писателей, не пользуюсь-ли я правомъ на извѣстную скидку?

— Безусловно.

— Кромѣ того, знаете-ли, я акціонеръ этого книгоиздательства.

— Это даетъ вамъ право, сударь, на особую скидку! — вѣжливо отвѣчаетъ приказчикъ.

— И, наконецъ, — добавляетъ юмористъ — я Маркъ Твэнъ. Не думаете-ли вы, что это даетъ мнѣ право на нѣкоторую скидку?

— Какъ-же? Разумѣется!

— Хорошо. Сколько же я вамъ теперь долженъ за книгу?

— Вы? — ничего. Мы вамъ должны приплатить около доллара...

Маркъ Твэнъ попалъ на равнаго себѣ.

Часовой. Остановитесь, дальше ѣхать нельзя.

Дама. Но мнѣ хотѣлось бы поцѣловать моего мужа, который завтра отправляется на фронтъ.

Часовой. Поцѣлуйте меня, я ему передамъ.

ГЛОБУСЪ.

Къ купцу приходитъ въ гости его бывшій приказчикъ.

— Наше вамъ-съ, Дормидонтъ Пантелѣевичъ, съ кисточкой.

— И тебѣ того же-съ, Ѳедосѣй. Садись, братъ.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ, на томъ стоим-съ...

— Садись, садись, братъ... Ноги вѣдь у тебя не тумбы чугунныя, а можно сказать, производство природы...

Приказчикъ садится. Молчаніе.

— Служите?

— Балуемся малость, какъ сила дѣйствуетъ...

— У Ѳеодорова?

— У него самого...

— Вампирія...

— Какъ-съ?

— Кровососатель... Сколько разнаго народа ограбилъ... А торговлл какъ? Накрываете?

— Ничего-съ, покорно благодарим-съ, на томъ стоим-съ...

— А женушка его, Митревна, та женщина со смягчающимъ сердцемъ, трезвенная женщина, въ какомъ она, примѣрно, благополучіи пребываетъ?

— Ничего-съ, покорно благодарим-съ. Благополучіе по видимости...

Молчаніе. Приказчикъ тоскливо оглядываетъ обстановку конторы.

— Охъ, хо-хо!

— Тэк-съ!

— Чего-съ?...

— Вообче говоря...

— Оно, конешно... Каждый судитъ можетъ...

— Вѣстимо, потому то такъ есть...

Продолжительное молчаніе. Приказчикъ замѣчаетъ на шкапу глобусъ.

— Дормидонтъ Пантелѣичъ... Что енто у васъ на шкапу?

— Енто? Для мальчика куплено, для ради ученія... Глобусъ!

— Какъ!

— Глобусъ...

— Тэк-съ...

— А ты знаешь, что такое глобусъ?

— Отчего не? Не слѣпой, слава те Господи, видать...

— Это ежели ты, примѣрно, землю какую, альбо городъ... Ты это сичасъ палецъ намыслилъ, повертѣлъ, покрутилъ и — сичасъ тебѣ готовъ, хоть въѣзжать... Вонъ, гляди...

Снимаетъ глобусъ.

— Ффррр... Петроградъ... Прямо въ Ледовитомъ морѣ...

— Вотъ оказія!..

— Фррр... Москва... Прямо въ Индѣйскомъ архипелагѣ...

— Батюшки!

— Фррр... Ерусалимъ... Прямо въ Атлантическомъ океанѣ...

— Іерусалимъ?!.. Дормидонтъ Пантелѣичъ... Родной... Дозвольте приложиться... (Цѣлуетъ глобусъ)...

Г-нъ Р. страдаетъ болѣзнью ногъ, скривившей его походку.

Г-жа Л. коситъ глазами.

— Что, какъ ваши ноги — спрашиваетъ участливо г-жа Л. при встрѣчѣ съ г-номъ Р.

— Какъ в и д и т е — слѣдуетъ отвѣтъ.

ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО...

Къ помѣщику, жившему въ Петроградѣ, является приказчикъ одного изъ его имѣній, находившагося въ малороссіи. Приказчикъ коренной малоросъ, простакъ съ виду, но плутъ въ душѣ.

— Ну, что, все благополучно въ Игнатьевкѣ? — спрашиваетъ помѣщикъ, сидя въ креслѣ и покуривая душистую гавану.

— Та все благополучно, тольки... (почесывая затылокъ, докладываетъ приказчикъ).

— Только что?

— Тольки Остапъ ножъ поломалъ...

— Какой ножъ?

— Та поварской...

— Когда же это? — помѣщикъ смѣется.

— Та какъ шкуру съ жеребца драли...

— Съ какого жеребца?

— Та съ вашого, съ „Сокола"...

— Развѣ онъ пропалъ?

— Та вже-жъ...

— Отчего же?

— Та загнали какъ за докторомъ ѣздили...

— За какимъ докторомъ?

— Та за нашимъ участковымъ...

— Почему же ѣздили за докторомъ?

— Та бариня дуже хвори були...

— Чѣмъ же?

— Та хто ихъ зна! Съ переляку...

— Чего она испугалась?

— Та пожаръ бувъ: сгорѣли токъ, садъ, дом

— Когда же это?

— Та какъ солдаты у насъ на постоѣ були

— Что же спасли что-нибудь?

— Нѣтъ, сгорѣло все...

— Гдѣ-же теперь бариня?

— Вмерли... — (приказчикъ утираетъ кулакомъ слезы).

— А дочь моя?

— Втікли съ уланами...

— Съ какими уланами?

— Такъ что у насъ на постоѣ були...

— Кто-же теперь въ Игнатьевкѣ?

— Та барышнина дочка...

— Какая?

— Та, что отъ барышни...

— Когда же это?

— Та якъ у насъ на постоѣ були...

— Болванъ! что же ты говоришь, что все благополучно.

— Такъ это я, щобъ васъ не дуже злякать.

НА ГАЛЕРКѢ (въ оперѣ).

Предо мною чьи-то локти.
Ароматный воздухъ густъ.
Въ бокъ вцѣпились
Чьи-то ногти,
Сзади шопотъ чьихъ-то устъ:
„Въ этомъ мѣстѣ, басъ сфальшивилъ!"
„Тише... Браво! Ш-а-а! Еще!!"
Кто-то справа осчастливилъ—
Робко сѣлъ мнѣ на плечо.
На лицѣ моемъ несчастномъ
Бьется чей-то жирный бюстъ,
Сквозь него, на сценѣ ясно,
Вижу будочку и кустъ.
Кто-то дышетъ прямо въ ухо.
Басъ реветъ: „О, по-че-му?!"
Я прислушиваюсь сухо
И не вѣрю ничему.

А. Гликбергъ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ...

Окончившій срокъ службы солдатъ возвратился въ деревню.

Для земляковъ, конечно, онъ оказался занимательнымъ разсказчикомъ.

Его закидывали вопросами, а онъ, какъ человѣкъ свѣдующій, давалъ обстоятельные отвѣты, никогда не говоря „не знаю“, чтобъ не подорвать своего авторитета.

— А какъ обѣдаютъ въ городахъ господа? Поди не по нашему?

— Еще бы по вашему!

— Тамъ на все свое положеніе, каждому чину особливый часъ положенъ. Примѣрно, нашъ братъ, солдатъ, безпремѣнно долженъ обѣдать въ одинадцать утра, а офицеру, который пониже чиномъ, полагается обѣдъ въ два часа.

— А ежели поранѣ ѣсть захочетъ!

— Не моги, потому дисциплина.

— Какая такая дисциплина?

— На манеръ наказанія.

— Ой-ой! Строго значитъ?

— Бѣда, какъ строго.

— А полковникъ когда обѣдаетъ?

— Раньше полковника, глупыя головы, капитанъ будетъ. Ему положеніе обѣдать въ 4 часа. А ужъ опосля него идетъ подполковникъ. Онъ въ 5. Въ 6 час. полагается обѣдать полковнику.

— Бѣдный! Вотъ поди, брюхо то ему подводитъ?

— Ничего не подѣлаешь. Терпи — на то военная служба...

— А когда же генералъ то ѣстъ?

— Генералъ? — Тому совсѣмъ крышка: ему можно... этакъ... примѣрно... часовъ въ 8...

— О-о-о! Вотъ тяжко-то... послѣ этого выходитъ,

когда же обѣдаетъ хфертмаршалъ? Ночью, что ли?

— Неучи! Кто же это можетъ обѣдать ночью?

— Такъ когда же?

— Кто это! Хфертмаршалъ-то?

— Да.

— Хфертмаршалъ — на другой день.

М. Шевляковъ.

ПОЦѢЛУЙ.

Увидѣлъ крестьянинъ въ окошко, что солдатъ постоялецъ цѣлуетъ его жену. Ревность закипѣла въ немъ, и онъ вбѣгаетъ въ хату съ крикомъ:

— А что ты робывъ, москалю?

Солдатъ (улыбаясь):

— Что?

— На що ты цѣлувалъ мою жинку?

— А развѣ нельзя?

— Стало будь не можно.

— Ну извини, я не зналъ.

Крестьянинъ не долго думая размахивается и даетъ ему затрещину.

— Какъ ты смѣешь драться?

— Хиба нидзя?

— Разумѣется, нельзя.

— Такъ звыняй же, я не знавъ!

П. Р.

НАДГРОБНАЯ РѢЧЬ МАЛОРОССА.

— Господа миряне! Що це лежитъ? Се лежитъ тіло. — Чого-жъ вино лежитъ? Бо ихъ благородіе вмерлы. — Чого-жъ оны вмерлы? Кінецъ имъ прійшевъ! Жізнь, ты, жізнь чоловіческая! Ты, якъ бульбочка на воді: вітеръ бульбочку — хіть! и бульбочка — фіть. Амынь!

ПЕРЕХВАТИЛЪ.

Въ кабинетъ извѣстнаго врача входитъ молодой человѣкъ, съ измученнымъ и изнуреннымъ лицомъ, и въ изнеможеніи опускается на стулъ.

Докторъ, поглядѣвъ на лицо больного, говоритъ про себя: „Опять малокровный!" и беря больного за руку, обращается къ нему: „Покажите языкъ! Гм! не совсѣмъ чисто. Пульсъ!... слабый, нервный... (Выпуская руку больного и принимая авторитетный видъ):

„Старая исторія! Люди хотятъ жить безъ свѣжаго воздуха: но развѣ это возможно?! Вы видите, другъ мой, какъ я здоровъ? Такъ вотъ же; точно также, какъ вы былъ бы я теперь на краю могилы, если бы я цѣлый день оставался въ своемъ кабинетѣ безъ движеній. Вамъ необходимъ свѣжій воздухъ, молодой человѣкъ! Да, свѣжій воздухъ и долгія прогулки! Вы должны оставаться на улицѣ по возможности дольше. Конечно, если бы я приписалъ вамъ полдюжины рецептовъ и сталъ поить васъ разными лекарствами, вы рѣшили бы, что я прекрасный докторъ. Такъ нѣтъ же—никакихъ лекарствъ я вамъ не припишу: мое единственное лекарство это — ходить, ходить и ходить!

Паціентъ. Но, господинъ докторъ...

Докторъ. Ну, конечно, конечно! Начнете спорить; вы знаете больше меня. Повторяю: я совѣтую вамъ совершать длинныя прогулки! Возможно больше ходить! Иначе...

Паціентъ. Но, докторъ, я на ногахъ...

Докторъ. Да, да! Я заранѣе знаю, что вы скажете. Какъ и всѣ другіе, вамъ подобные, вы начнете увѣрять, что ходите много. Такъ, я вамъ говорю: ходите въ десять разъ больше и...

Паціентъ. Но, докторъ, мое занятіе...

Докторъ. Ну, конечно, занятіе не дастъ возмож-

ности. Старо, милый человѣкъ. Бросьте тогда ваше занятіе. Изберите такое занятіе, которое бы вамъ дало возможность побольше бывать на свѣжемъ воздухѣ, побольше ходить, побольше физическихъ упражненій! Здоровье, батенька, дороже всякаго занятія, дороже всего, и кромѣ того... чѣмъ вы занимаетесь?

Паціентъ. Я — разносчикъ писемъ...

Докторъ (смущенно): А! Что? Разносчикъ... Гм... Странно... Ану, покажите-ка вашъ языкъ еще разъ!

ОШИБКИ ТЕЛЕГРАФА.

Приказчикъ лѣсоторговца шлетъ хозяину такую телеграмму:

„Въ вашу сумму за лѣсъ вкралась ошибка. Ели много и хороша, но сосна плоха. Что вы пилъ не закажете? Вчера на драньлѣсъ сдали съ дачи. Потомъ на строевой такой отобрали, какого во всей губерніи никогда не бывало“.

Телеграмма была передана въ такомъ видѣ:

„Въ вашу сумму залѣзъ; вкрались шибко. Ѣли много и хорошо, но со сна плохо. Что выпилъ — не закажете. Вчера на брань лѣзъ — дали сдачи. Потомъ насъ трое вой такой отодрали, какого во всей губерніи никогда не бывало“

ВОЯКА.

— Мы ка-акъ зачнемъ правымъ флангомъ, ка-акъ ударимъ по головному отряду, ка-акъ затрещатъ пулеметы... одинъ пухъ да перья отъ нѣмцевъ летятъ, и...

— А ты землякъ, откуда?

— Я-то? Да съ позицій же! Подручный повара я къ офицерскомъ собраніи!

Эль-Ми.

ДѢТСКАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ.

Маленькая дѣвочка сидитъ одна въ углу вагона. Замѣтивъ приближающагося кондуктора, она протягиваетъ ему полъ билета.

Сколько лѣтъ тебѣ, дѣвочка? — спрашиваетъ кондукторъ.

— Шесть.

— Не больше шести?

— Нѣтъ. Въ дорогѣ мнѣ всегда шесть лѣтъ. Дома мнѣ девять. —

— Гм... и ты ѣдешь одна?

— Тамъ, у окна, сидитъ моя тетя

— А сколько лѣтъ твоей тетѣ?

— Двадцать девять.

— Всего лишь двадцать девять?

— Да.

— А сколько лѣтъ ей было въ прошломъ году?

— Двадцать девять.

— А два года тому назадъ?

— Двадцать девять. Ей всегда двадцать девять лѣтъ.

РУССКІЙ РАЗГОВОРЕЦЪ.

— Гдѣ голодъ? Гдѣ?
Когда вездѣ,
Наоборотъ,
Лишь недородъ!..
— Ну, да! И впрямь
Лишь недородъ...
— Печать все вретъ!
— А какъ народъ?
— Да, что-жъ, народъ...
Народъ упрямъ —
Онъ мретъ...

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ.

Два друга, не видѣвшіеся очень давно, случайно встрѣчаются:

— А-а! Здорово дружище, какъ живешь?

— Не важно... Я, знаешь, женился...

— Вотъ такъ пріятная новость!

— Не совсѣмъ, такъ какъ я женился на очень злой женщинѣ.

— Это ужъ скверно...

— Не такъ ужъ скверно, такъ какъ жена моя принесла мнѣ порядочное приданное...

— Это большое утѣшеніе...

— Да, но не совсѣмъ, такъ какъ я на эти деньги купилъ барановъ, которые повымирали отъ болѣзни.

— Экая досада!

— Досада-то не такъ велика, такъ какъ я выручилъ очень много денегъ за кожи барановъ...

— Значитъ, ты награжденъ за убытки!?

— Да, но мой домъ, который я купилъ за эти деньги, на-дняхъ сгорѣлъ.

— Какое несчастье!

— Несчастье-то не такъ велико, такъ какъ вмѣстѣ съ домомъ сгорѣла и моя жена...

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

Сидѣлъ въ трактирѣ. Пилъ и ѣлъ.
Потомъ внезапно заболѣлъ,
Потомъ упалъ на грудь земли,
Потомъ подняли, повезли.
Потомъ мозги опуталъ мракъ...
Карета черная... Баракъ...
Носилки подали... Кладутъ...
Несутъ... Опять кладутъ... Капутъ!...

В. В—новъ.

„СТАРШЫНА“.

Выбрала громада себѣ новаго старшину. Возгордилось новоиспеченное „начальство“ не шутя. Столько важности на себя напустилъ, что не подступай.

Сидитъ однажды нашъ старшина у себя на крыльцѣ и видитъ, что ѣдетъ кто-то селомъ.

Кликнулъ онъ десятскаго, который „по долгу службы“ торчалъ дневно и нощно у его дверей и говоритъ:

— Бижы мерщій та спытайся, що воно за птыця така ѣде черезъ мое село.

Кинулся десятскій исполнять приказаніе старшины. Догналъ онъ проѣзжаго. Тотъ сталъ и спрашиваетъ

— Чего тебѣ нужно?

— Та новый нашъ панъ-старшина звеливъ спытаты, що вы за птыця така?

— Скажи своему новому старшинѣ — отвѣтилъ проѣзжій — что и ты и старшина — дураки.

Ударилъ по лошадямъ проѣзжій —и былъ таковъ.

Почесывая затылокъ, вернулся десятскій къ старшинѣ. Старшина и спрашиваетъ:

— А що?

— Та то якый-сь знайомый...

— Як?

— Та такъ: и васъ знае, и мене знае.

— Як же вин знае?

— Та казав, що й вы дурень, и я дурень.

Ничего не отвѣтилъ старшина, но съ того времени ужъ никогда не велѣлъ останавливать проѣзжихъ.

С. Е—въ.

— Къ вашимъ ногамъ, сударыня, я бросилъ все свое состояніе!

— Какимъ образомъ!

— Сейчасъ уронилъ двугривенный.

ХВАСТУНЫ.

Охотникъ.

— Засѣлъ и жду. Сердце — не дрогнетъ! Глазъ— вѣренъ... Рука—желѣзная. И вдругъ слышу ревъ! Идутъ... Близко... И вотъ семь человѣкъ! Семь штукъ медвѣдей! Улыбнулся я. Вскинулъ двухстволку — бау, бау, бау! Передніе три завертѣлись, какъ зайцы! Остальные—на дыбы и на меня... Не тутъ то было! Двоихъ хватилъ прикладомъ. Только брызги полетѣли. Третьяго прирѣзалъ ножомъ, какъ ягненка. А къ четвертому вскочилъ на спину. Лѣвой рукой держусь за загривокъ, а правой — колю его ножомъ. Вѣришь ли, въ полчаса до дому домчалъ! Миша, подсыпь-ка еще ромцу!

Мастеровой.

— Ну, и драка была! Ихъ пятнадцать человѣкъ. Всѣ изъ цирку — силачи! Самые знаменитые! А насъ съ Микешкой двое! Держись, говорю, Микешка! Засучилъ локти и давай ихъ лупить! Зубовъ повыбивалъ — страсть! — Опосля дворникъ сгребалъ лопатой. Взвыли. Отпусти, говорятъ, ведро поставимъ! Ослобонилъ. Затащили, братецъ, меня въ трактиръ и давай накачивать. Вѣришь, двадцать ведерокъ выкачали и безъ закуски. А ты уже нюни распустилъ. Ставь, што-ли, еще полдиковинки!

Мужъ. Оля, что ты собираешься дѣлать сегодня послѣ обѣда?

Жена. Я жду гостей.

Мужъ. Надѣюсь, ты не станешь принимать гостей въ этомъ платьи? —

Жена. Это платье совершенно новое.

Мужъ. Да, но я говорю объ этомъ ужасномъ декольте!

Жена (запальчиво): Мои гости приходятъ видѣть меня, а не мое платье!

Анекдоты

„ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ“.

Извѣстный англійскій артистъ Футъ, совершая путешествіе по южной Англіи, и попавъ въ одинъ изъ провинціальныхъ городковъ, заходитъ въ ресторанъ пообѣдать.

Послѣ обѣда къ нему подходитъ содержатель ресторана и спрашиваетъ, остался-ли онъ доволенъ обѣдомъ.

„Я пообѣдалъ, какъ никто въ Англіи“ — отвѣтилъ довольный артистъ.

„Виноватъ, за исключеніемъ городского головы“ — поспѣшилъ поправить его ресторагоръ.

„Никакихъ исключеній я не признаю“, разсмѣялся Футъ.

Но хозяинъ ресторана настаивалъ на томъ, чтобы артистъ сдѣлалъ это исключеніе. Разсерженный такой настойчивостью ресторатора, Футъ, обругавъ его, наотрѣзъ отказался исполнить его требованіе.

Его арестовали, и вскорѣ онъ предсталъ передъ городскимъ головой, который также исполнялъ обязанности судьи.

„Господинъ Футъ—строго сказалъ ему судья—вы знаете, что въ нашемъ городѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай дѣлать во всемъ исключеніе для городского головы. Дабы вы впредь не забыли этого обычая, я штрафую васъ на одинъ шиллингъ или пять часовъ тюремнаго заключенія. Выбирайте, что вамъ болѣе по вкусу“.

Къ великому негодованію артиста, ему пришлось уплатить штрафъ.

„Во всемъ мірѣ не найдется такого идіота, какъ этотъ ресторагоръ — въ гнѣвѣ выкрикиваетъ онъ, и поспѣшилъ добавить — за исключеніемъ господина городского головы“...

„СКАНДАЛЪ" ВЪ ТЕАТРѢ.

— Ну, что Марфа, понравилось тебѣ вчера въ театрѣ? Хорошо пѣли?

— Очненно хорошо, барышня, пѣли, только съ одной ахтеркой скандалъ вышелъ: спѣла она, да, должно, не такъ спѣла. Три раза повторить заставили. Очненно даже конфузно вышло.

ИЗВИНИЛИСЬ ЗАРАНѢЕ.

Одинъ американскій генералъ былъ приглашенъ на ужинъ, на которомъ, среди другихъ гостей, находился также „айришмэнъ" (ирландецъ).

Когда были поданы вина, генералъ обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами:

— Милостивые государи, я долженъ васъ предупредить, что когда я выпиваю слишкомъ много вина, я иногда имѣю скверную привычку ругать „айришмэновъ"; а потому прошу васъ, если это случится и сегодня, не принимать моихъ словъ въ обиду.

Какъ только генералъ кончилъ и сѣлъ, „айришмэнъ" поднимается съ своего мѣста:

— Милостивые государи — обращается онъ, въ свою очередь, къ присутствующимъ — когда я выпиваю немного лишняго, я имѣю дурную привычку выталкивать въ шею всѣхъ, кто отзывается плохо объ ирландцахъ. Прошу васъ, поэтому, не обижаться на меня если это случится и сегодня...

НАДЛЕЖАЩАЯ ТЕМПЕРАТУРА...

Къ одному адвокату, контора котораго была слишкомъ натоплена, входитъ кліентъ и замѣчаетъ, что въ комнатѣ жарко, какъ въ печи.

— Это доказываетъ — отвѣчаетъ адвокатъ — какъ я горячо пекусь объ интересахъ своихъ кліентовъ...

СООБРАЗИЛЪ.

Господинъ входитъ въ вагонъ и видитъ на двухъ скамьяхъ по одному свободному мѣсту. Онъ усаживается на скамью слѣва.

Черезъ нѣсколько минутъ, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо на этомъ мѣстѣ, онъ вскакиваетъ: „Какой же я идіотъ! На нашей скамьѣ четыре человѣка, въ то время какъ на другой лишь три! Охота мнѣ тѣсниться“ и онъ спѣшитъ пересѣсть на вторую скамью.

— Григорій, накормилъ свиней?

— Такъ тошно, баринъ.

— И пересчиталъ ихъ?

— Пересчиталъ всѣхъ, кромѣ одного. Такой знаете, шустрый, на мѣстѣ не устоитъ, все бѣгаетъ туда да назадъ. Никакъ не могъ его сосчитать.

БЛАЖЕНЪ, КТО ВѢРУЕТЪ...

Священникъ, проходившій по улицѣ, замѣтилъ крестьянина, тянувшаго „казенку“ съ бутылки.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь, сынъ мой — обратился онъ къ крестьянину — развѣ ты не знаешь, что водка — нашъ самый ужасный врагъ?

— Да, но развѣ самъ Христосъ не велѣлъ намъ любить врага своего, какъ самого себя?“ — послѣдовалъ отвѣтъ.

Когда Рабле лежалъ на смертномъ одрѣ, къ нему призвали знаменитаго доктора.

„Молю васъ — обратился къ нему великій французскій писатель — дайте мнѣ умереть естественной смертью!“

ПРАВДИВЫЙ ОСЕЛЪ.

Одинъ крестьянинъ обратился къ своему сосѣду съ просьбой одолжить ему осла. Но сосѣдъ, не желая одалживать осла, отказалъ ему, подъ предлогомъ, что сынъ его уѣхалъ на ослѣ въ городъ. Но въ этотъ моментъ со двора послышался крикъ осла.

„Очевидно вашъ оселъ правдивѣе васъ — замѣтилъ возмущенный крестьянинъ — онъ протестуетъ противъ лжи".

„Какъ — вскричалъ владѣлецъ осла — вы, значитъ, вѣрите ослу больше чѣмъ мнѣ?"

КОСА НА КАМЕНЬ.

Рыжій. Дорогой мой, васъ, очевидно, не было, когда Богъ раздавалъ людямъ волосы?

Лысый. Нѣтъ, я былъ, но пришелъ слишкомъ поздно, и такъ какъ у Бога не оставалось никакихъ другихъ волосъ кромѣ рыжихъ, то я предпочелъ остаться лысымъ...

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА.

— Странно! Жена моя называетъ меня своимъ милымъ котенкомъ, а теща — отвратительнымъ верблюдомъ... — говоритъ одинъ.

— Я думаю, что тутъ нужно брать среднее: ты не маленькій котенокъ, и не большой верблюдъ, а просто... средней величины оселъ... — отвѣчаетъ его другъ.

Театральный режиссеръ пробуетъ новыхъ артистовъ. Прослушавъ нѣсколько сценокъ, исполненныхъ куплетистомъ, онъ заявляетъ:

— Я сударь, въ театрѣ ругаться не позволю.

Куплетистъ: Помилуйте, да я и не думалъ ругаться.

— Вы, нѣтъ, но зрители станутъ...

УМНЫЙ ОСЕЛЪ.

Три знатныхъ турка отправились, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, въ горы, и каждый имѣлъ съ собою раба.

Слуги приготовили на горной вершинѣ среди изумрудной травы, пищу господамъ, и, когда тѣ достаточно поѣли и выпили — каждый принялся хвалить своего слугу.

— Если я сейчасъ прикажу моему рабу: прыгни, очертя голову, съ этой вершины внизъ — онъ немедленно исполнитъ мое приказаніе.

Тогда сказалъ второй:

— И мой слуга не испугается этого.

И третій сказалъ:

— Мой слуга семь разъ разшибется, если я пожелаю.

Не долго думая, первый и второй турокъ подозвали своихъ рабовъ и велѣли имъ прыгнуть въ пропасть. Тѣ немедленно сдѣлали то, что имъ было приказано.

— А ты готовъ, — спросилъ своего слугу третій турокъ — принести свою жизнь въ жертву твоему господиау?

— Не только я готовъ броситься по твоему приказанію въ пропасть—отвѣчаетъ слуга—но и нашъ вѣрный оселъ не дрогнетъ, если ты повелишь ему броситься съ вершины.

Отвѣтивъ такъ, онъ вскочилъ на осла, и погналъ его, ударяя пятками по бокамъ.

Оселъ доскакалъ вмѣстѣ съ всадникомъ до края пропасти... и остановился тамъ словно вкопанный. Слуга билъ его съ обѣихъ сторонъ и всячески понукалъ и кричалъ на него. Оселъ продолжалъ упираться.

Тогда слуга сказалъ:

— Ага, ты видѣлъ, что я хотѣлъ исполнить твое

повелѣніе, и ты не накажешь меня. Но оселъ не хотѣлъ —во всемъ виноватъ оселъ, и пусть противъ него обратится твой праведный гнѣвъ.

— Оставь осла въ покоѣ — сказалъ хозяинъ — за что наказывать мнѣ его, когда онъ оказался самымъ умнымъ изъ насъ всѣхъ?

ОТЕЦЪ и СЫНЪ.

Отецъ съ сыномъ въ трактирѣ здорово подвипили и, обнявшись, идутъ домой.

— Ну и хозяйничаемъ же мы съ тобой, отецъ, говоритъ сынъ: — чтобъ чортъ нашего отца забралъ.

— Чьего отца? — грозно спросилъ старикъ.

— Ну, если вамъ жалко вашего — отвѣтилъ сынъ, — то пусть чортъ моего заберетъ...

ВЪ ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

— Что это ваша собака такъ уставилась и внимательно смотритъ, какъ вы меня стрижете, чего она ждетъ?

— А видите-ли, иногда случается прихватить ухо ножницами, тогда она этимъ лакомится...

ВЪ СУДѢ.

Молодой человѣкъ обвиняется въ нанесеніи оскорбленія словами дамѣ.

— Значитъ, если я назову даму „коровой“, то это будетъ оскорбленіе, г. судья? — спрашиваетъ обвиняемый.

— Разумѣется!

— А если я скажу коровѣ „сударыня“?

— Это вы можете сколько угодно!

Обвиняемый поворачивается къ оскорбленной дамѣ и съ любезнымъ поклономъ говоритъ ей:

— Простите мнѣ „сударыня“, я этого правила не зналъ.

ВЪ БАКАЛЕЙНОЙ ЛАВКѢ.

— Чаво вы мнѣ колбасу тухлую отпустили... господа ругаются... назадъ прислали...

— А ты-бъ, дурья голова, такъ сразу и говорила, что покупаешь для господъ... а вѣдь я думалъ, што это для тебя.

ЛИШЬ БЫ ДУША ЧИСТА.

Два вора забрались въ церковь. Обокрали все, что могли. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, съ грязными сапожищами лѣзетъ на алтарь.

— Что ты, братецъ, дѣлаешь? Вѣдь здѣсь святое мѣсто! — урезониваетъ его другой.

— Молчи, братъ, — отвѣчаетъ бродяга, — вѣдь мы передъ Богомъ: лишь бы душа чиста, а грязные сапоги — это ничего.

Напроказившій мальчикъ спрятался подъ диваномъ. Отецъ погнавшійся за нимъ, идетъ на-хитрость:

— Васинька, вылѣзай, сыночекъ, я тебѣ фокусъ какой-то покажу.

— Знаемъ мы твои фокусы... не хочу!

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ДОЛЖНИКЪ.

Адвокатъ былъ долженъ портному за пару платья, и не смотря на всѣ просьбы послѣдняго, не желалъ заплатить долга.

Однажды встрѣтивъ его на улицѣ, портной снова сталъ просить объ уплатѣ, и наконецъ, заявилъ, что онъ намѣренъ подать на него жалову въ судъ.

— Знаете, что — отвѣтилъ ему адвокатъ-должникъ —зачѣмъ вамъ идти къ незнакомому адвокату, заплатите мнѣ десять рублей и я напишу вамъ жалобу самъ.

СРЕДИ ВОЕННЫХЪ.

При пріемѣ молодыхъ солдатъ командиръ полка спрашиваетъ каждаго изъ нихъ, чѣмъ онъ занимался до службы. Обращается къ одному изъ нихъ:

—Ты чѣмъ занимался?

— Столяръ, Ваше благородіе!

— Мнѣ что-нибудь сумѣешь сдѣлать? — улыбаясь спрашиваетъ командиръ.

— Такъ точно, Ваше высокоблагородіе!

— Какую же ты, собственно столярскую работу дѣлалъ?

— Гробы, Ваше в—родіе!

НАПРАСНОЕ ОПАСЕНІЕ.

Два фармера разговариваютъ о погодѣ:

„Если этотъ теплый дождикъ продолжится, все живо станетъ выходить изъ землицы".

„Что вы говорите?", съ ужасомъ выкрикиваетъ другой, „все? А мои двѣ жены, которыхъ я похоронилъ?"

„Врядъ-ли", усмѣхнулся первый, „чай ихъ то вы глубоко зарыли"...

„И то вѣрно", успокоился второй.

НѢЧТО ТРАМВАЙНОЕ.

Изъ бесѣды двухъ коночныхъ клячъ:

— Неужели электрическій трамвай по всему Нью-Іорку ходить будетъ?

— Всенепремѣннейше.

— Но что-же мы тогда будемъ дѣлать?

— Мы-то ничего... а вотъ изъ насъ „франкфуртерсъ (сосиски) понадѣлаютъ...

— Чтобъ они нами подавились...

НЕТЕРПѢЛИВЫЙ ЗРИТЕЛЬ.

Одинъ изъ зрителей, попавшій первый разъ въ театръ на представленіе „Отелло", потерялъ терпѣніе, когда Отелло сталъ повторять каждый разъ: „платокъ, платокъ!"

Не долго думая, онъ обращается къ актеру:

— Чего безпокоишься такъ о платкѣ? Высморкайся въ руку и продолжай представленіе.

ДѢТСКАЯ РАДОСТЬ.

— Правда, папа, что ты получилъ генеральскій чинъ.

— Правда, дитя мое!

—Ахъ, какъ я радъ! Значитъ, тебя будутъ хоронить съ музыкой?

ПОЛѢ ГРОМА—ДОЖДЬ.

Истощивъ весь запасъ ругани, жена Сократа кончила тѣмъ, что окатила мужа ведромъ холодной воды.

— Я прекрасно предвидѣлъ такого рода финалъ — хладнокровно обратился философъ къ присутствовавшимъ при этомъ своимъ друзьямъ — послѣ грома всегда бываетъ дождь.

УРОКЪ АРИѲМЕТИКИ.

— Ивановъ! Можно-ли сложить пять столовъ съ семью стульями?

— Нѣтъ. Это не есть однородные предметы. Складывать можно лишь однородные.

Петровъ. А по моему можно, господинъ учитель. Нашъ лавочникъ всегда прибавляетъ бутылку воды къ бутылкѣ молока, и получается: двѣ бутылки молока.

УСЛЫХАЛА.

Господинъ, пришедшій прощаться съ прахомъ покойнаго друга, говоритъ очень тихо сосѣду:

— Такъ неожиданно умеръ и оставилъ вдову двадцати-пяти лѣтъ.

— Простите, мнѣ всего двадцать два года, — рыдая, отвѣчаетъ вдова.

ФИЗІОЛОГЪ.

Утопился какой-то горемыка. Вытащили. Вокругъ охали и ахали о несчастномъ.

— О-охъ и невесела, знать, была его жизнь! — вздыхали окружающіе женщины.

— О та, согласился стоявшій тутъ же нѣмецъ, это сичасъ фидать, у этотъ утопленникъ такой нефеселый лицо.

ВЪ МУЗЕѢ.

— Кому принадлежитъ языкъ, который находится подъ этимъ стекломъ?

— Карлу Великому, сударь.

— А маленькій, который лежитъ рядомъ съ этимъ?

— Тому же Карлу Великому, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

ДОКАЗАЛЪ.

Нѣкто старался доказать, что земля не движется вокругъ солнца.

„Но чѣмъ же вы объясните — спросили его — то, что солнце заходитъ на Западѣ и всходитъ на Востокѣ?“

„Тѣмъ, — отвѣтилъ упрямецъ — что дойдя до Запада, оно возвращается назадъ на Востокъ, а если мы его не видимъ, то это лишь потому, что возвращается оно ночью“.

НЕПРІЯТНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Одного „айришмэна“ (ирландца) разбудили ночью, чтобъ извѣстить его о смерти отца.

„Какой же это ударъ будетъ для меня завтра утромъ, когда я проснуся“—сказалъ онъ, засыпая опять.

СТОИТЪ-ЛИ ПРИВИВАТЬ ОСПУ?

— Нѣтъ, вы не заставите меня вѣрить въ полезность привитія оспы! Я зналъ прекраснаго, здороваго ребенка, родители котораго вздумали привить ему оспу. И что вы думаете? Черезъ два дня ребенокъ умеръ.

— Черезъ два дня?..

— Да, онъ упалъ съ дерева и убился. Вотъ и прививай оспу послѣ этого!

ВѢРНЫЙ ПРИЗНАКЪ.

Нѣсколько путешественниковъ очутились послѣ кораблекрушенія на неизвѣстномъ островѣ, который они сначала приняли за необитаемый. Но пройдя немного вглубь острова, они наткнулись на трупъ повѣшеннаго человѣка.

„Слава тебѣ, Господи!“, вскричалъ первый замѣтившій трупъ, „теперь для насъ ясно, что мы находимся въ **цивилизованной** странѣ“...

НЕИМУЩІЙ.

„Пожертвуйте, пожалуйста, въ пользу бѣдныхъ“, обращается дама къ проходившему мимо богато-одѣтому господину.

„У меня ничего нѣтъ“, слѣдуетъ рѣзкій отвѣтъ.

„Тогда возьмите отсюда“, отвѣчала дама и протягиваетъ ему кружку, „я собираю для неимущихъ“...

НАШЕЛЪ ИСХОДЪ.

Къ одному миссіонеру является дикарь и заявляетъ о своемъ желаніи перейти въ христіанство.

„Сколько у тебя женъ?“, спрашиваетъ миссіонеръ. „Шесть“, отвѣчаетъ дикарь. „Въ такомъ случаѣ ты христіаниномъ стать не можешь: наша религія запрещаетъ многоженство“ и миссіонеръ долго и убѣдительно доказывалъ дикарю зло палигаміи. Слушатель былъ очень внимателенъ къ рѣчи миссіонера, и во всемъ, очевидно соглашался съ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней этотъ самый дикарь опять является къ миссіонеру: „Теперь, святой отецъ, я могу стать христіаниномъ“, торжественно заявляетъ онъ. „У меня лишь одна жена“.

„А что же ты сдѣлалъ съ остальными?“

„Я ихъ съѣлъ“!

НЕ СМУТИЛСЯ.

Профессоръ экзаменуетъ студента, который не въ состояніи отвѣтить ни на одинъ предложенный ему вопросъ. Выведенный изъ терпѣнія тупостью студента профессоръ обращается къ университетскому служащему, проходившему мимо: „Принесите пожалуйста охапку сѣна этому господину на обѣдъ: онъ, очевидно, голоденъ!“

„Принесите ужъ двѣ, заодно“, подхватываетъ студентъ, „г-нъ профессоръ еще тоже не обѣдали“.

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ХОЛОДА.

— Иванъ! подай мнѣ термометръ!

— Сейчасъ, баринъ, съ чердака снесу.

— Съ чердака?!..

— Да я его туда взялъ, чтобъ температура выше была. Надоѣли мнѣ эти холода проклятые.

СЪЭКОНОМИЛЪ.

Одинъ купецъ, извѣстный своею скупостью, заходитъ въ одинадцать часовъ ночи въ ресторанъ.

— Сколько стоитъ у васъ ужинъ — спрашиваетъ онъ хозяина ресторана.

— Рубль пятьдесятъ копѣекъ.

— А сколько вы считаете за обѣдъ?

— Одинъ рубль.

— Прикажите дать мнѣ пообѣдать.

РАСПЛАТИЛСЯ.

У одного богатаго господина есрьезно заболѣла жена. Послали за докторомъ.

— Докторъ, обращается господинъ къ пріѣхавшему врачу, видите эту пачку ассигнацій? Здѣсь пять тысячъ рублей. Вы ихъ получите, вылечите-ли или убьете мою жену.

Черезъ нѣсколько дней больная умираетъ, и врачъ является за обѣщанными деньгами.

— Развѣ вы вылечили мою жену? — спрашиваетъ вдовецъ.

— Нѣтъ, но...

— Значитъ вы убили ее?

— Я? Убилъ? Да какъ вы смѣете такъ говорить про меня?

— Но разъ вы ее не вылечили и не убили, я вамъ ничего не долженъ.

ОПЛАЧЕННЫЙ ДОЛГЪ.

Одинъ адвокатъ, умирая, завѣщалъ сто тысячъ рублей на постройку дома для умалишенныхъ. „Эти деньги“, говорилось въ его завѣщаніи, „достались мнѣ отъ моихъ кліентовъ. Прошу поэтому не разсматривать ихъ какъ пожертвованіе съ моей стороны, а какъ возвращеніе долга.

ПОСЛУШНЫЙ ПАЦІЕНТЪ.

Г-нъ N. заболѣлъ. Докторъ приписалъ ему лекарство и сказалъ:

— Сдѣлайте-же все точно такъ, какъ написано въ рецептѣ.

Г-нъ N. принялъ лекарство и... сталъ пищать. Принялъ еще ложечку — и опять запищалъ...

— Что вы дѣлаете, спрашиваютъ его.

— Поступаю, какъ докторъ велѣлъ. Видите, въ рецептѣ написано: „Принимать по двѣ чайныхъ ложечки — послѣ пищи“...

ЛЮБЕЗНОСТЬ.

Дама, которой представили молодого человѣка, сказала съ любезной улыбкой:

— Кажется, я васъ гдѣ-то встрѣчала.

— Возможно — отвѣчалъ молодой человѣкъ — я тамъ иногда бываю.

ПРЕДАННОСТЬ.

Король Людовикъ XV сказалъ одной изъ своихъ фаворитокъ:

— Вы имѣли романы со всѣми моими подданными.

— Ахъ, что вы, государь!

— Съ маршаломъ Шуазелемъ, напримѣръ...

— Но онъ такъ могуществен!...

— Съ маршаломъ Ришелье.

— Но онъ такъ остроуменъ!...

— Съ Монвилемъ...

— Но онъ такъ красивъ!...

— Пусть. Но съ герпогомъ Д'Омономъ, у котораго нѣтъ ни одного изъ этихъ достоинствъ...

— Ахъ, но онъ такъ привязанъ къ вашему величеству...

КОМПЛИМЕНТЪ.

Артистку хвалили за исполненіе роли Корделіи.

— Ахъ, нѣтъ, чтобы играть эту роль хорошо, надо быть молодй, изящной, имѣть красивый голосъ...

— Ничего подобнаго — вѣдь вы же играете эту роль великолѣпно... — замѣтили ей.

ЗАЧЕТЪ.

Къ атаману разбойничьей шайки явился нѣкій господинъ, прося принять его въ шайку.

— А чѣмъ ты раньше занимался — спросилъ его атаманъ.

— Два года служилъ у прокурора, а полгода у начальника полиціи.

— Хорошо. Это время тебѣ зачтется, какъ если бы ты работалъ у насъ.

ПОДХОДИТЪ.

Одинъ господинъ помѣстилъ объявленіе о томъ, что онъ ищетъ слугу, который не отлучался бы изъ дому и который смуѣлъ сохранить свое послѣднее мѣсто втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Среди лицъ, отвѣтившихъ на это объявленіе и предлагавшихъ свои услуги, было одно, какъ нельзя болѣе подходившее подъ эти условія: это былъ человѣкъ, который пять лѣтъ не мѣнялъ своего мѣста и за все время ни разу не отлучался, находясь все время... въ тюрьмѣ.

ИЗВИНИЛСЯ...

Въ одномъ обществѣ, во время спора, одинъ изъ спорившихъ назвалъ своего соперника осломъ.

Обиженный потребовалъ немедленнаго извиненія.

„Извиняюсь... предъ осломъ“ — поспѣшилъ обидчикъ удовлетворить его требованіе.

СТРАННИЦА.

Странница шепеляво разсказываетъ московской купчихѣ, окруженной приживалками, съ собачкой на рукахъ, о томъ, гдѣ и когда она побывала. Всѣ внимательно ее слушаютъ, за исключеніемъ великовозрастнаго сына купчихи, который углубился въ чтеніе интереснаго романа „Клятва въ подземномъ корридорѣ или отъ лысыны не уйдешь“.

Странница продолжаетъ разсказъ:

— Всюду, матушка моя, я побывала, всюду... сподобилась, матушка... На Аѳонъ-гору взбиралась, до Русалима съ посохомъ ходила, пупъ земли видала, въ Соловкахъ бывала, на Кіевъ-городъ лазила, ко всѣмъ гробамъ прикладывалась, во всѣхъ лавріяхъ, матушка, тоже побывала, сподобилась...

Гимназисту надоѣло слушать и онъ, бросивъ книгу, задаетъ вопросъ странницѣ:

— Ну, а Сарру Бернаръ видѣла?

— Какъ же, красавецъ мой писанный, сподобилась... Въ Соловецкой лавріи рядышкомъ лежатъ: вотъ этакъ лежитъ Сарочка, а рядомъ съ ней Бернарочка... Сподобилась родненькій, прикладывалась!

ВЪ „КРЕСТАХЪ“.

Вновь поступившій молодой надзиратель водворяетъ на временное мѣстожительство редактора одной радикальной газеты.

— Осторожнѣй, тутъ ступенька — предупреждаетъ онъ редактора, вводя его въ камеру.

— Ступай къ чорту — мрачно отзывается редакторъ — ты еще подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ, когда я эту ступеньку уже зналъ...

ПРИНЦИПІАЛЬНОСТЬ.

За $1\frac{1}{2}$ часа до Москвы студентъ будитъ товарища, который храпитъ на верхней полкѣ.

— Товарищъ, вставайте! Москва близко. Тотъ просыпается, оглядываетъ вагонъ и категорически заявляетъ:

— Принципіально не могу.

— Почему?

— Большинство — спитъ...

И снова засыпаетъ.

ШИПЫ..

Мильтонъ, будучи уже слѣпымъ, женился на женщинѣ съ скверным характеромъ.

Его другъ, желая сказать, что онъ одобряетъ его выборъ, сравнилъ г-жу Мильтонъ съ розой.

— Я плохо разбираюсь въ цвѣтахъ — отвѣтилъ слѣпой — но думаю, что ваше сравненіе правдиво, такъ какъ я прекрасно чувствую шипы этой розы.

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА.

— Хотя Иванъ исполнялъ у меня обязанности и кучера, и шоффера, но я принужденъ былъ прогнать его.

— За что?

— За разсѣянность. Онъ неоднократно сыпалъ овесъ въ автомобильный двигатель и поилъ лошадей газолиномъ.

ХРАБРЫЙ НЕГРЪ.

Одинъ негръ получилъ отъ хозяина упрекъ въ томъ, что онъ боится работы.

„Боюсь работы? Ни капельки — съ раздраженіемъ отвѣчаетъ негръ — я даже очень часто засыпаю надъ работой, и ничего... я не таковскій! Я не боюсь!

МОЛИТВА СОЛДАТА.

Дѣйствіе происходитъ на борту военнаго судна въ эпоху гражданской войны между штатами.

Судно готовится къ бою. Офицеръ видитъ солдата, стоящаго на колѣняхъ, и насмѣшливо спрашиваетъ его:

— Что, братъ, трусишь?

— Нѣтъ, я молюсь — отвѣтилъ матросъ.

— О чемъ же ты молишься?

— Да вотъ, молю Бога, чтобы вражескія пули получались, какъ и наградныя деньги за храбрость, одними офицерами...

„Я поражаюсь — говоритъ одному матросу, уѣзжающему въ далекое морское путешествіе, его другъ—какъ вы не боитесь моря: вашъ отецъ умеръ отъ кораблекрушенія; вашъ дѣдушка, и даже прадѣдушка умерли на море, и васъ это не останавливаетъ?"

„А гдѣ умеръ вашъ отецъ, другъ мой?", спрашиваетъ матросъ.

„Какъ гдѣ? Въ постели, какъ и всѣ мои предки".

„Какъ же вы тогда не боитесь ложиться спать въ постели?..."

„КОНКА НЕ РАЗБИРАЕТЪ"...

— Что съ вами сударыня? — обращается прохожій къ рыдающей женщинѣ — не могу-ли я помочь вашему горю?

Женщина, тыкая пальцемъ въ газету, выкрикиваетъ раздирающимъ душу голосомъ: „Трамвай мою Олечку зарѣзалъ!"

— Да вѣдь тутъ говорится о мальчикѣ, который попалъ подъ трамвай, не о дѣвочкѣ — недоумѣваетъ прохожій.

— Ну вотъ еще, станетъ конка разбираться, мальчикъ это или дѣвочка — голоситъ во всю женщина.

НАШЕЛСЯ.

Молодой человѣкъ заказалъ въ ресторанѣ рыбу. Но послѣ перваго проглоченнаго куска онъ кладетъ въ сторону вилку и подноситъ тарелку съ рыбой къ уху.

Замѣтившій это владѣлецъ ресторана подходитъ къ нему и недоумѣвающе спрашиваетъ его къ чему онъ прислушивается.

— Мой прадѣдъ — отвѣчаетъ посѣтитель — утонулъ лѣтъ сто тому назадъ. Я спросилъ рыбу не видала-ли она его...

— Ну и что же она вамъ отвѣтила? — смѣется ресторат оръ.

— Она говоритъ, что не помнитъ, такъ какъ ужъ очень давно изъ воды...

ДОКАЗАЛЪ...

Профессоръ физики экзаменуетъ студента:

— Какія свойства имѣетъ теплота? спрашиваетъ профессоръ.

Студентъ. Теплота увеличиваетъ, удлиняетъ и расширяетъ предметы, тогда какъ холодъ ихъ сжимаетъ.

Профессоръ. Приведите примѣръ.

Студентъ. Лѣтомъ дни бываютъ длинные, а зимой короткіе...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Ну-съ, Саша, какъ тебѣ нравится мое новое платье?

— Оно великолѣпно, мамочка!

— И подумать только, мой мальчикъ, что весь этотъ шелкъ намъ доставляетъ несчастный маленькій червячекъ!

— Ты говоришь о папѣ, мамочка?!

АРИСТОКРАТІЯ.

Одинъ англичанинъ, изъ аристократической семьи, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, собрался возвратиться на родину.

На прощальномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь его, его другомъ американцемъ, разговоръ зашелъ объ Америкѣ и ея обытателяхъ.

— Какого вы, въ общемъ, мнѣнія о насъ, американцахъ? — спросилъ его одинъ изъ гостей.

— Какъ вамъ сказать?—отвѣчалъ англичанинъ— Я очень люблю американскій народъ, но мнѣ кажется, что у васъ чего-то недостаетъ; я даже увѣренъ въ этомъ.

— Что жъ это такое, что намъ недостаетъ?

— Видите-ли... У васъ нѣтъ аристократіи, какъ у насъ, и это дѣлаетъ ваше общество менѣе интереснымъ.

— Но что вы, собственно, понимаете подъ словомъ „аристократія“? — спрашиваетъ американецъ.

— Странный вопросъ — пожимая плечами, отвѣчаетъ англичанинъ. — Что вы не знаете, что такое аристократія? Аристократія это... это... аристократія; люди, знаете-ли, которые ничего не дѣлаютъ, отцы которыхъ ничего не дѣлали; люди, видите-ли, которые могутъ путешествовать, не будучи стѣсняемы цѣнами, которымъ не нужно присматривать за магазиномъ, складомъ или фабрикой; однимъ словомъ, люди которые никогда не работаютъ.

— О, если вы этихъ господъ имѣете въ виду, то у насъ ихъ довольно много, только мы ихъ называемъ не аристократами, а плутократами...

НЕДАЛЕКО.

— Скажите, пожалуйста, жандармское правленія въ Питерѣ далеко отъ центра?

— Нѣтъ, не далеко. Изъ него въ „Кресты“ рукой подать...

У ДОКТОРА.

Докторъ (глуховатый) — Ну, разскажите что съ вами?

Пацiентъ. Видите-ли, г-нъ докторъ, собственно говоря, у меня хорошiй аппетитъ, сплю я хорошо, чувствую себя бодро... только...

Докторъ. Да? Ну, такъ вотъ... я вамъ припишу лекарство отъ котораго у васъ все это, какъ рукой отниметъ.

НЕ ВЪ БРОВЬ, А ВЪ ГЛАЗЪ.

Два адвоката-противника, одинъ высокаго, другой— очень маленькаго роста, съ пѣной у рта стараются оправдать каждый своего клiента.

— Да я васъ въ карманъ заткнуть могу — выкрикиваетъ высокiй, уставшiй отъ долгаго состязанiя.

— Тогда — отвѣчаетъ его противникъ — у васъ въ карманѣ будетъ больше ума, чѣмъ въ головѣ.

„ФАБРИКАНТЪ".

— Кто этотъ подозрительный господинъ? Я его видѣлъ гдѣ-то.

— Это извѣстный фабрикантъ.

— Неужели! Когда онъ открылъ фабрику?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ... подобраннымъ ключемъ.

РОСКОШЬ НЕ ПО КАРМАНУ.

— Прелестная Надежда Дмитрiевна, позвольте мнѣ хоть маленькiй уголокъ занять въ Вашемъ сердцѣ!

— У меня уголки не отдаются. Если брать, то ужъ все помѣщенiе.

— О, несравненная Надежда Дмитрiевна, къ сожалѣнiю, мнѣ такая роскошь не по карману...

ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ.

По дорогѣ идетъ крестьянка, неся тяжелый мѣшокъ на плечахъ. Обгоняетъ ее въ телегѣ мужикъ.

— Эй, тетка, лѣзь на возъ, подвезу.

Влѣзла. Сидитъ, мѣшокъ со спины не снимаетъ.

— Тетка, положь мѣшокъ-то въ телѣгу, отдохни.

— Спасибо, добрый человѣкъ, а токмо сказано, не обидь скотины и не утруди; пущай ужъ лошадка насъ съ тобою везетъ, а мѣшокъ ужъ я на себѣ подержу, къ чему лошадку лишней тяжестью утруждать.

На балу, одинъ гость, опершись о стулъ, старается подавить зѣвокъ.

— Вамъ скучно? — обращается къ нему сосѣдъ.

— Да. А вамъ? —

— Мнѣ т-о—о—о-же! — зѣвнулъ сосѣдъ въ свою очередь.

— Пойдемте тогда куда-либо отсюда.

Не могу, я хозяинъ дома...

НА УРОКѢ ФИЗИКИ.

Учитель. Итакъ мы видимъ, что электрическій свѣтъ, собственно говоря, то же самое, что молнія. Все-таки, кто изъ васъ скажетъ, какая между ними разница?

Ученикъ. Молнія ничего не стоитъ, а за электрическій свѣтъ компанія требуетъ деньги.

НА УРОКѢ.

— Ну, возьмите такой примѣръ: вашъ братъ заказалъ портному костюмъ: 12 долларовъ за матерію и 14 за работу. Сколько всего долженъ получить портной отъ вашего брата?

— Ни копѣйки не получитъ. Ужъ я своего брата хорошо знаю!

УЗНАЛЪ...

Однажды во время охоты, Генрихъ IV, отдѣлившись отъ своей свиты, недалеко отъ тропинки, по которой онъ проѣзжалъ, замѣтилъ крестьянина, сидѣвшаго на деревѣ. „Что ты тамъ дѣлаешь?“, спросилъ онъ его. „Я пришелъ сюда на разсвѣтѣ“, отвѣчаетъ крестьянинъ, „чтобы увидѣть, какъ король проѣдетъ“. Слезай съ дерева и садись на крупъ моей лошади, если хочешь“, предложилъ ему король. „Я повезу тебя въ такое мѣсто, гдѣ ты сможешь увидѣть короля“.

Обрадовавшійся крестьянинъ, очутившись на лошади, спрашиваетъ своего спутника, какъ онъ сможетъ узнать короля, такъ какъ тамъ вѣроятно съ нимъ будетъ много вельможъ. „Смотри на того, кто не сниметъ своей шляпы въ то время, когда всѣ другіе будутъ съ обнаженными головами“.

Вскорѣ Генрихъ IV нагоняетъ свою свиту, и всѣ, замѣтивъ его, немедленно обнажаютъ головы.

„Ну, что видишь теперь, кто король“, спрашиваетъ онъ крестьянина.

„Не иначе, какъ или вы или я“, отвѣчаетъ крестьянинъ, „такъ какъ только мы одни не сняли своихъ шляпъ“.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УПРЕКЪ.

Въ день похоронъ Людовика XV французскіе кабатчики получили распоряженіе не продавать въ этотъ день крѣпкихъ напитковъ.

Въ одинъ кабакъ заходитъ крестьянинъ и настойчиво требуетъ бутылку вина. Ему отказываютъ, ссылаясь на распоряженіе правительства.

Раздраженный крестьянинъ запальчиво выкрикиваетъ: „Мало того, что этотъ бродяга заставлялъ насъ голодать при своей жизни, такъ хотятъ еще, чтобы мы умирали отъ жажды послѣ его смерти!“

РАСКВИТАЛСЯ.

Собака, принадлежавшая одному адвокату, воспользовавшись отсутствіемъ изъ магазина сосѣда мясника. унесла съ прилавка кусокъ мяса.

Мясникъ, замѣтившій убѣгавшую собаку съ его мясомъ, старался ее догнать, но безуспѣшно. Зная, кому принадлежала собака, онъ немедленно отправился къ ея владѣльцу:

— Господинъ адвокатъ — обратился онъ къ послѣднему — если чужая собака уноситъ кусокъ мяса изъ моего магазина, могу-ли я требовать отъ хозяина таковой возмещенія убытка?

— Безусловно — отвѣчаетъ адвокатъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны мнѣ три рубля за десять фунтовъ мяса, которое ваше собака утащила изъ моего магазина.

Адвокатъ, не говоря ни слова, уплатилъ мяснику требуемую сумму, и тотъ, довольный собой, уходитъ.

На завтра мясникъ получаетъ такого рода счетъ отъ адвоката:

„За совѣтъ по дѣлу покражи мяса изъ магазина мясника Хитрова, причитается адвокату Перехитрову 5 рублей, которые благоволите уплатить немедленно.

Адвокатъ Перехитровъ“.

„Вегетаріанецъ“.

— Позвольте предложить вамъ рюмочку водки.

— Благодарю, не пьющій.

— Папиросочку?

— Благодарю, не курящій

— О, вы пріятное исключеніе среди нынѣшней молодежи! Мнѣ чрезвычайно пріятно познакомить васъ со своей дочерью.

— Благодарю, — я... вегетаріанецъ.

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Одинъ молодой франтъ заходитъ за знакомыми дамами, чтобы пойти вмѣстѣ на парижскую обсерваторію наблюдать затменіе солнца.

Туалетъ дамъ затянулся, и когда компанія подошла къ обсерваторіи, затменіе уже прошло. У входа имъ заявляютъ, что они пришли слишкомъ поздно. Дамы были очень огорчены. „Ничего, — обращается молодой франтъ къ своимъ дамамъ — не смущайтесь. Поднимемтесь на верхъ, и я попрошу этихъ господъ повторить затменіе“...

РАЗСѢЯННОСТЬ.

Одинъ очень разсѣянный господинъ пишетъ своему другу письмо слѣдующаго содержанія: „Дорогой другъ! Я вчера забылъ у тебя свой зонтикъ. Будь такъ любезенъ передай его подателю сего письма“. Но предъ тѣмъ, какъ запечатать письмо, онъ замѣтилъ въ углу своей комнаты зонтикъ, о которомъ онъ писалъ. „Я только что нашелъ свой зонтикъ“, поспѣшилъ онъ добавить къ письму, „не трудись, пожалуйста, искать его“. Послѣ этого онъ запечаталъ письмо, позвалъ слугу, и велѣлъ немедленно отнести письмо своему другу.

ВЪ МЕРТВЕЦКОЙ.

— Нѣтъ, тетка, этакъ ты своего мужа не найдешь! Ишь, сколько ихъ тутъ, — мертвыхъ тѣлъ-то, видимо-невидимо! Безъ примѣты искать трудно. Ты вотъ, матушка, припомни, не было ли у мужа твоего особой примѣты какой.

— Какъ не быть-то, была, родимый ты мой: очень ужъ онъ сильно з а и к а л с я...

ВЕРХЪ РАЗСѢЯННОСТИ.

Разсѣянный профессоръ, выходя изъ воротъ своей дачи, наткнулся на корову. Сконфузясь, онъ снялъ шляпу и проговорилъ:

„Прошу прощенія, сударыня!“ и лишь послѣ этого замѣтилъ, передъ кѣмъ извинялся.

Немного спустя, онъ на перекресткѣ наткнулся на даму. Припомнивъ недавноо случившееся недоразумѣніе, онъ съ досадой воскликнулъ:

—„Опять ты подъ ноги, скотина!..

Одного господина спросили, почему у него волосы на головѣ сѣдые, а борода черная?

— Ничего удивительнаго нѣтъ, отвѣтилъ онъ, такъ какъ волосы на головѣ двадцатью годами старше, нежели на бородѣ.

ЛОГИЧНО.

Подходитъ поѣздъ. Дама, высунувшись изъ окна, кричитъ:

— Носильщикъ! Носильщикъ!

— Слушаю, барыня!

— У меня украли чемоданъ!... Да чего же вы стоите, не слышите, что-ли?

— Слышу, слышу... Но ежели чемоданъ украли, тогда зачѣмъ же вамъ носильщикъ?

НА АМЕРИКАНСКІЙ ЛАДЪ.

Въ пархіяльній школі питазсь кахетитъ малого хлопца: „Скажі мені джаний, чому то Богъ вигнавъ Адама і Еву з раю?“

Джаний: Бо вони прошу отця духовного, певно ренту не заплатили.

НА ВЫСТАВКѢ КАРТИНЪ.

— Скажите, сколько стоитъ эта картина?

— Тысячу рублей.

— Ого! За одну корову съ теленкомъ тысячу! Что же это за порода?

НАЧИНАЮЩІЙ...

Мчавшійся во весь опоръ автомобиль сшибъ съ ногъ пѣшехода. Остановивъ машину, онъ подходитъ къ пострадавшему:

— Простите! Надѣюсь, я васъ не очень ушибъ?

— О, нѣтъ! — еле приподнимаясь, отвѣчаетъ потерпѣвшій, — пустяки! Всего два-три ребра переломали. Вы, вѣроятно, еще начинающій...

ЗЕЛЕНЫЙ ДУБЪ.

Отецъ съ двумя сыновьями сѣли въ лѣсу обѣдать. Принесли имъ горячаго борщу. Отвѣдалъ одинъ изъ сыновей, обжегся и говоритъ:

— Ну и дубъ-же!

Отвѣдалъ второй, тоже обжегся и добавилъ:

— Да еще и зеленый дубъ!

Отецъ заслушавшись, проглотилъ цѣлую ложку горячаго борща, подскочилъ и съ сердцемъ сказалъ:

— А чтобъ васъ на томъ дубѣ повѣсили!

Офицеръ, потерявшій глазъ на войнѣ, замѣнилъ его стекляннымъ. Однажды, остановившись въ гостиницѣ, онъ предъ тѣмъ какъ лечь въ кровать, забылъ вынуть свой искусственный глазъ. Позвавъ слугу и вынувъ глазъ, офицеръ проситъ его положить глазъ на столъ. Слуга беретъ глазъ и ждетъ.

— Чего вы ждете? — спрашиваетъ офицеръ.

— Другого глаза — отвѣчаетъ онъ.

ХВАСТУНЫ.

Одинъ американецъ, бесѣдуя съ нѣмцемъ и восхваляя ему свою родину, такъ описывалъ чудесные результаты, достигнутые въ Синсинати машиннымъ производствомъ свиныхъ продуктовъ:

— Мы беремъ живую свинью, кладемъ ее въ аппаратъ, заводимъ машину и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, она выходитъ съ другого конца въ видѣ окороковъ сосисекъ, колбасъ и проч., которыя сейчасъ же можно кушать.

— Это что! — отвѣтилъ нѣмецъ съ улыбкой, — ну а если колбаса или ветчина не удадутся, тогда что вы дѣлаете?

Молчаніе.

— Такъ вы, дорогой мой, пріѣзжайте къ намъ въ Германію поучиться. Когда наши свиные продукты не удаются, мы снова кладемъ ихъ въ аппаратъ и — назадъ пускаемъ машину. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ свинья выходитъ съ другого конца живою.

НА ПАРОХОДѢ.

На пароходѣ, во время сильной качки, испуганная дама подбѣгаетъ къ капитану:

— Ради Бога... у моего мужа приступъ морской болѣзни. Что надо дѣлать? Какъ помочь ему?

Капитанъ (хладнокровно): Ничего не надо дѣлать, сударыня. Онъ и самъ сдѣлаетъ все... что надо.

РЕЗОННО.

— Ты, что-жъ, извергъ, со мной дѣлаешь? Сейчасъ шесть часовъ утра, а ты, подлецъ, только что домой вернулся.

— Т-с-съ... Душечка, не волнуйся. Вѣдь если бы я дома оставался, теперь все равно было-бы шесть часовъ.

УДРУЖИЛЪ.

Госпожу Чепчикъ не долюбливали въ городѣ изъ-за ея безконечно долгихъ визитовъ. Однажды она направлялась къ г-жѣ Сметаниной въ визитомъ. Сынишка г-жи Сметаниной, Коля, увидѣвъ приближающуюся г-жу Чепчикъ вбѣжалъ въ свой домъ, и черезъ нѣсколько минутъ появился опять на улицѣ, и растопыривъ ножки сталъ у воротъ дома въ ожиданіи приближающейся гостьи.

— Что мама дома? — спрашиваетъ г-жа Чепчикъ.

— Нѣтъ, она ушла — отвѣчаетъ Коля.

— Ахъ, какая досада! — со вздохомъ отвѣчаетъ г-жа Чепчикъ. — Когда она вернется, скажи ей, что я приходила.

— Она уже знаетъ. Я ей уже сказалъ — отвѣчаетъ Коля.

ЧАЙ УЧЕНАЯ!

— Вы бы, няня, термометръ брали, когда купаете ребенка!

— И-и, барыня, я и безъ термолетра знаю: ежели ребенокъ въ водѣ весь покраснѣетъ — значитъ, горячая вода, ежели посинѣетъ — холодна; тутъ и подливать въ плепорцію!

УСПОКОИЛА...

— Какъ ты думаешь, Машутка, мой женихъ любитъ меня?

— Конечно, любитъ, барышня!

— А ты почему такъ думаешь?

— Да ужъ я знаю... они всѣхъ женщинъ очень любятъ...

Шутки и Остроты

УМНЫЙ НАРОДЪ.

— У насъ, братъ, на селѣ тоже не лаптемъ щи хлебаютъ.

— А чѣмъ же?

— Да ничѣмъ. Потому какъ ни щей, ни лаптей нѣту...

БОЙКАЯ ПРИСЛУГА.

Барыня нанимаетъ прислугу:

— Только мнѣ, милая, нужна бойкая дѣвушка.

— О, насчетъ этого не сумлѣвайтесь, барыня, я потеряла свое прежнее мѣсто за то, что дала плюху своей госпожѣ.

ПОЧТА ВИНОВАТА...

— Почта у насъ невозможна!

— А что?

— Ну какъ же, я дядѣ написала два письма съ просьбой о присылкѣ денегъ, и три письма даже съ требованіемъ — и никакого отвѣта не получила.

ЧИСТО РУССКОЕ.

— Глупѣе русскаго мужика никого нѣтъ.

— Есть.

— Кто?

— А тѣ, кто глупости о глупости мужика выдумываютъ.

У ФОТОГРАФА.

— Прошу васъ, я начинаю: разъ, два...

— Постой, постой! Главное, смотри, чтобы сапоги блестѣли, а остальное наплевать!

ВЪ РЫБНОЙ ЛАВКѢ.

— А рыбка-то, купецъ, сильно припахиваетъ.

— Это она ваше вниманіе на себя обратить хочетъ. Саморекламный сортъ-съ!

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОСТЪ.

— Вы товарищъ, зачѣмъ къ товарищу прокурора?

— Такъ, вообще. Я, товарищъ, товарищъ товарища прокурора.

НА УЛИЦѢ.

— Извозчикъ, а извозчикъ!

— Чего изволите?

— Свези ка ты меня домой.

— А гдѣ изволите жить?

— На офицерской улицѣ.

— А номеръ дому какой?

— Э, дуракъ! Самъ увидишь: на воротахъ написано...

УТѢШИЛЪ...

— Обидно становится, какъ подумаешь, что я уже приближаюсь къ тридцати годамъ.

— Успокойтесь, сударыня, вы съ каждымъ днемъ все больше и больше удаляетесь отъ нихъ...

НАШИ ДѢТИ.

— Зачѣмъ у тебя глазки, Манечка?

— Смотлѣть.

— А ушки?

— Слюсать.

— А носикъ?

— Цтобы ковырять въ немъ...

ЗА КАРТАМИ.

— Какъ вы смѣете называть меня шуллеромъ! Милостивый государь! Я прошу васъ взять слова обратно! Иначе... иначе...

— Ничего не беру обратно!

— Ахъ, вотъ какъ! Вы ничего не берете обратно, въ такомъ случаѣ... дайте мнѣ 100 долларовъ взаймы.

РАЗНИЦА.

— Скажите, пожалуйста, какая разница между умнымъ человѣкомъ и глупымъ?

— Видите-ли, умный знаетъ въ чемъ состоитъ эта разница и никогда объ этомъ не спрашиваетъ.

ОПЯТЬ...

— Вы вотъ получили повышеніе. Кто-же послѣ васъ будетъ начальникомъ, ваше превосходительство?

— Кто? Навѣрное, какой нибудь болванъ.

— Фу, ты, Господи! Опять...

ОПРАВДАЛАСЬ.

— Милостивая государыня, вы кажется, потѣшаетесь надо мной! Ужъ не принимаете-ли вы меня за идіота?

— Милостивый государь, я не изъ тѣхъ, которыя судятъ о человѣкѣ по наружности!

ВЪ ГОСТИННОЙ.

Она. Скажите, отчего мужья, имѣя хорошенькихъ женъ, ухаживаютъ за чужими?

Онъ. Изъ желанія оставаться честными, сударыня! Они сознаютъ, что недостойны своихъ прекрасныхъ женъ.

„ДОНЕСЕНІЕ“.

„Ваше благородіе, сивый жеребецъ Михайло Петровичъ померъ, шкуру я вашу барскую продалъ, на оныя деньги купилъ я вашей милости прочный хомутъ, а на ярмаркѣ у насъ свиней вашей породы было много, жаль, что не было вашей милости. Вашему здоровью нижайшій рабъ.

Управитель экономіи Кузьма Чирикъ“.

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО.

— Докторъ! Я ужасно страдаю отъ головной боли! Что посовѣтуете?

— Замужъ выйти — это самое лучшее.

— Тогда головная боль пройдетъ?

— Не пройдетъ, а перейдетъ... въ голову мужа...

ГОГОЛЬ ВЫРУЧИЛЪ.

Безработный съ веселымъ лицомъ вбѣгаетъ къ товарищу.

— Наконецъ-то я сегодня пообѣдалъ! Гоголь выручилъ!

— Какъ Гоголь?! Вѣдь онъ давно въ могилѣ!

— Какой ты непонятливый! Былъ у меня Гоголь, полное собраніе сочиненій. Снесъ его къ букинисту и продалъ. Не только на обѣдъ хватитъ, но и на табачище, да и на сахаръ и чай.

РАЗНИЦА.

— Какая разница между русско-американскимъ редакторомъ и Робинзономъ Крузо?

— У Робинзона Крузо была на всю жизнь одна Пятница, а у русско-американскаго редактора на одной недѣлѣ семь пятницъ...

ВЕРХИ.

Верхъ фантазіи: влѣзть на плакучую иву, подвязать себѣ ленту и забрать въ голову, что ты райская птица.

Верхъ скорости: бѣгать вокругъ стола такъ быстро, чтобы поймать самого себя за фалды.

Верхъ наивности: вообразить, что Мисс-сисипи и Мисс-сури — американскія барышни.

Верхъ близорукости: на званномъ обѣдѣ принять бѣлое платье своей сосѣдки за упавшую салфетку, нагнуться, поднять ее и заткнуть себѣ за воротничекъ или въ петлицу.

Верхъ разсѣянности: положить свой фракъ на постель, а самому повѣситься въ шкапу на гвоздѣ.

МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ.

— Вы за какую ситему отмѣтокъ стоите: за пятибалльную или двѣнадцатибалльную?

— У меня, батенька, своя собственная система: сѣчь мерзавца, если принесетъ единуцу!!

ЧИНОВНИЧЬЯ НЕРАЗБЕРИХА.

— Вы, кажется, присутствовали при этомъ?

— Нѣтъ, отсутствовалъ.

— Вотъ какъ! Вы были въ отсутствіи?

— Нѣтъ, я былъ присутствіи.

У НЕЗАСЫПАННОЙ МОГИЛЫ.

— Смотри, и съ чего бы это убитый горемъ мужъ такъ разговорился? Ужъ полчаса говоритъ рѣчь!

— Пользуется, бѣдняга, первымъ случаемъ, когда жена ему не возражаетъ...

ПРИ ЛУНѢ.

Мы неслись въ вальсѣ. Я обвилъ ея граціозный станъ, глядѣлъ въ ея лучезарные глаза, чувствовалъ на своей щекѣ ея горячее дыханіе... Мы кружились... Боже, какъ было хорошо!

— Довольно! — прошептала она. — Жарко. Выйдемъ!...

Никѣмъ не замѣченные, мы прошли на балконъ. Была чудная ночь. Изъ зала неслись чарующіе звуки музыки. Я взглянулъ на нее. Ахъ, никогда она еще не была такъ хороша.

Полная луна бросала на нее свои трепетные матовые лучи: они, казалось, лобзали ея раскраснѣвшіяся щечки и мягкимъ свѣтомъ лились по роскошнымъ каштановымъ волосамъ. Ея бѣлая нѣжная ручка покоилась на моей. Ея голубыя, какъ небесная лазурь, глаза съ довѣрчивой любовью смотрѣли на меня.

Я былъ счастливъ...

Но вдругъ личико милой измѣнилось... Полныя коралловыя губки ея задрожали: слезинка, точно кристалъ, повисла на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ; мускулы вокругъ ея дѣтскаго ротика какъ-то судорожно стянулись; она глубоко вздохнула, вырвала свою руку изъ горячаго пожатія моей, порывисто отвернулась, уткнулась личикомъ въ кружевной носовой платокъ и... за-чи-ха-ла...

УБѢДИТЕЛЬНО.

— Брось курить-то!

— Вредно?

— Ну, да! Ты возьми паровозъ: дымитъ, дымитъ, такъ и то, вотъ пишутъ, тридцати лѣтъ не выдерживаетъ. Такъ куда же тебѣ съ паровозомъ тягаться!

ДВА НЕСЧАСТЬЯ.

Онъ. Представьте себѣ я родился въ тотъ самый день, когда умеръ нашъ великій писатель Иванъ Тургеневъ.

Она. Неужели! Въ одинъ день и такихъ... два несчастья.

ПОБАСЕНКА.

— Ванюха, скажи моей лошади тпру.

— А самъ то ты, Сенька, что?

— Да у меня краюха во рту.

— Такъ положь ее за пазуху.

— Да не лѣзя.

КОГО НЕ ХВАТАЕТЪ.

— Кого, служивый, вѣнчаютъ?

— Да, вишь, булочника съ колбасницей!..

— Эхъ, парочка-то подходящая, ежели да къ ней „друга дома“ изъ виннаго погребка...

НА КУХНѢ.

Хозяйка. Лукерья, что же это значитъ: ты говорила, что твой мужъ солдатъ и ушелъ на войну, а теперь у тебя на кухнѣ какой-то мужчина!

Кухарка. Этотъ... запасный!

ЗАРАППОРТОВАЛСЯ.

— Какъ ты пальто выпачкалъ вчера! Весь бокъ и спина въ грязи!

— Да, да, оно упало у меня.

— Но ты могъ его и потерять.

— Нѣтъ, оно было на мнѣ застегнуто на всѣ пуговицы...

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

Начальникъ. Я разъ навсегда вамъ сказалъ, чтобы вы не смѣли меня безпокоить такими глупыми дѣлами... Для рѣшенія подобной ерунды довольно и одного дурака,—для чего же еще безпокоить другого?...

У ПАРИКМАХЕРА.

— Постригите меня...

— Слушаю-съ. Извольте газету.

— Вамъ будетъ неудобно стричь меня, если я буду читать.

— Напротивъ — читайте извѣстія изъ Россіи и у васъ волосы дыбомъ станутъ и стричь будетъ легче.

НЕ УГОДИШЬ.

Одна дѣвица трижды поссорилась съ молодымъ человѣкомъ.

Въ первый разъ за то, что онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза слишкомъ дерзко. Во второй разъ за то, что онъ уклончиво скосилъ глаза. Въ третій разъ за то, что... совсѣмъ не взглянулъ на нее.

ТЕРПѢНІЕ.

— Пока я живъ, распекалъ генералъ офицера, вы не получите повышенія.

— Я подожду, Ваше превосходительство, я подожду... — кротко отвѣчалъ тотъ.

ОБЪЯСНИЛЪ.

„Ваня, ты вотъ въ школу ходишь: объясни-ка мнѣ, темному, откуда вѣтеръ берется!“

„Ладно. Это земля?“—„Земля“. „А это небо?“—„Небо“. — „А кругомъ пусто!“ — „Пусто“. „Ну, вотъ, оно и продуваетъ“...

ЗАТО...

Не нравится мнѣ невѣста, сказалъ женихъ свахѣ. У нея одна нога короче другой.

— Что за бѣда — отвѣчала сваха. — Одна нога, правда, короче, зато другая длиннѣе.

ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

— Войдите въ положеніе, ваше сіятельство: жена—вдова; дѣти—сироты, безъ отца, безъ матери; самъ я — сирота круглый...

АРИѲМЕТИКА ЖИЗНИ.

Плюсъ — это жена съ приданнымъ.

Минусъ — при женѣ „мамаша".

Умноженіе — приростъ къ семейству.

Дѣленіе — „кузены" и „друзья" дома.

Знаменатель — это то, къ чему приводятъ неурядицы въ семейной жизни, сирѣчь, разводъ.

Дѣлимое — заработки супруга.

Дѣлитель — количество ртовъ семьи и гостей.

Разность — неоплаченные счета модистки или дефицитъ мужа.

Именованныя числа — напримѣръ, 22 истерики, 35 скандаловъ, 17 рабитыхъ тарелокъ, и 30 поцѣлуевъ (во время медоваго мѣсяца).

Превращеніе — фраковъ, сюртуковъ, драгоцѣнностей — въ ломбардныя квитанціи.

Раздробленіе — любви супруги между Полемъ, Жоржемъ, Пьеромъ, Жаномъ и Викторомъ...

(„Жизнь и Смѣхъ").

— Сонечка, ты налила рыбкамъ свѣжей воды?

— Нѣтъ мамочка, онѣ еще той не выпили.

ПОСПѢШИЛЪ...

Встрѣтились два пріятеля:

— Поговариваютъ, что у тебя на прошлой недѣлѣ былъ пожаръ?

— Тссс... ошибаешься, — будетъ... на будущей.

ПРЕДАННЫЙ ЗЯТЬ.

Теща падаетъ въ обморокъ за семейнымъ обѣдомъ.

— Быть можетъ, она отравилась? — замѣчаетъ гость-докторъ.

— Пожалуйста, отвѣчаетъ зять, — вскройте ее, чтобы узнать навѣрное.

ѲЕДОТЪ, ДА НЕ ТОТЪ.

— Послушайте, да вѣдь вы форменный идіотъ!

— Никакъ нѣтъ! Мой тятенька имѣетъ кожевенный заводъ. Мы — кожевники.

ОБА ХОРОШИ...

— Дай 10 рублей взаймы! Отдамъ.

— Нѣтъ у меня.

— Врешь, знаю тебя.

— Но вѣдь и ты врешь, что отдашь—я тебя, братъ, тоже знаю!

ДОКТОРСКІЙ СОВѢТЪ.

Больной жаловался доктору, что не можетъ ни сидѣть, ни стоять, ни лежать.

— Тогда повѣстесь — посовѣтовалъ докторъ.

ВЪ ШКОЛѢ.

— Хромовъ! Можете вы назвать животное, которое сильнѣе всего привязывается къ человѣку?

— Пьявка, господинъ учитель.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Баринъ. Опять ты, бродяга?! Я тебя, братъ, насквозь вижу!

Нищій. Немудрено, баринъ! Вѣдь у меня платье все въ дыркахъ...

НАОБОРОТЪ.

Молодой человѣкъ упорно добивался знакомства съ извѣстнымъ литераторомъ и наконецъ достигъ цѣли.

— Я такъ много слыхалъ о васъ, — говоритъ онъ, — но никогда васъ не видѣлъ.

— А я васъ вижу, но никогда не слыхалъ о васъ.

НЕ УМѢЕТЪ ТОПИТЬ...

— Дорогая моя! Ваше сердце — ледъ. Въ вашемъ присутствіи я чувствую себя, точно въ большой нетопленной квартирѣ, чувствую пронизывающій холодъ.

— Чѣмъ же я виновата, что вы топить не умѣете?!

РАМА.

Некрасивая дѣвушка сказала однажды:

— Глаза, это зеркало души!

— Увы! — замѣтили ей — иногда это зеркало вставлено въ очень безобразную раму.

ПОЛИТИКЪ.

— Къ его женѣ, слышь, военные все шатаются.

— Тэк-съ! Значитъ, съ военнаго положенія на усиленную охрану ему переходить надо-ть!

У ВЛІЯТЕЛЬНАГО ЛИЦА.

— Вы ищите мѣста?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Такъ садитесь, пожалуйста; вотъ оно.

ЧТО ДРЕВНѢЕ.

Юристъ и врачъ заспорили о томъ, чья наука древнѣе.

— Моя наука — говоритъ юристъ — начинается съ того дня, какъ Каинъ убилъ Авеля. Вотъ вамъ и уголовное дѣло.

— А моя, — отвѣчаетъ врачъ, — еще раньше: Богъ вынулъ у Адама ребро во время сна. Вотъ вамъ и хирургическая операція.

—◇—

— Извозчикъ! Какой кратчайшій путь къ Луврскому музею? — спрашиваетъ заблудившійся въ Парижѣ американецъ.

— Вотъ этотъ ! — указываетъ ему извозчикъ на свою пролетку.

—◇—

— Папа, какая разница между конкой и трамваемъ?

— Почти никакой!

— Какъ же это такъ?

— Конка давитъ людей лошадьми, а трамвай — электричествомъ...

—◇—

— Какъ вы очаровательны! Я весь пылаю.

— Ничего удивительнаго, что такой сухой человѣкъ какъ вы, быстро воспламеняетесь.

—◇—

— Маничка, какая сказочка тебѣ больше всего нравится изъ „Тысячи и одной ночи"?

— Ну, конечно, первая ночь!

—◇—

Онъ. Позвольте поцѣловать вашу ручку!

Она. Пожалуйста, сколько угодно! Она лежитъ въ моемъ кабинетѣ на письменномъ столѣ, только не вымажьтесь въ чернило...

ЛЮБИМЫЯ ПОГОВОРКИ ОБРУСѢВШАГО НѢМЦА.

За бритаго двухъ небритыхъ даютъ.

**
*

Съ шерстяной мордой въ булочную не суйся.

**
*

Лучше дѣвица въ руки, чѣмъ жирафъ въ небѣ.

**
*

По дорожкѣ протягивай рожки.

**
*

Бѣдность не пирогъ.

**
*

Ѣшь творогъ съ гробами, лижи языкъ губами.

**
*

На чужой кроватъ, ротъ не раздѣватъ.

**
*

Не плюй въ клозетъ, пригодится воды напиться.

**
*

Глухому попу два обѣда на ужинъ.

**
*

Русскому борову съ нѣмцемъ смерть.

**
*

Зипунъ тебѣ на языкъ.

Собралъ **Буль-Буль.**

ТЕЛЕГРАММА СКОТОПРОМЫШЛЕННИКА.

„Завтра всѣ свиньи на вокзалѣ. Жду также васъ. Пріѣду только завтра, ибо пассажирскій поѣздъ не беретъ воловъ. Если вамъ нужны волы, вспомните обо мнѣ“.

Хозяйка. Ты, Акулина, пользуешься поваренной книгой, которую я тебѣ дала.

Кухарка. Какъ-же барыня, я вчера ею подтопила печку.

ЧТО ЧЕМУ ПОДОБНО.

Репортеръ подобенъ природѣ: гони его въ дверь, онъ вернется въ окно.

Грядущій день подобенъ плохой кухаркѣ: готовитъ чортъ его знаетъ что.

Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается...

Каждый бутонъ подобенъ безобразнику: съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе распускается.

Машинально.

— Какая прекрасная артистка, госпожа Д. Она прямо живетъ на сценѣ.

— Съ кѣмъ?

— Какое сходство между бѣлугой и свободой?

— Ту и другую бьютъ острогами.

ИНТЕРНАЦІОНАЛИСТЪ".

Онъ, сидя въ **американскомъ** ресторанѣ, опорожнялъ вынутую изъ кармана **русскую** монопольку, закусывалъ **голландской** селедкой, проглатываетъ **гамбургскій** стэйкъ, **вѣнскій** шницель, **венгерскій** гулашъ, порцію **итальянских макаронъ**, запиваетъ **турецкимъ** кофе, закусывает **греческимъ** рахатъ-лакумомъ, закурываетъ **гаванскую** сигару, читаетъ **англійскую** газету о спорѣ **японцевъ** съ **китайцами**, о **португальской** революціи, затѣмъ, при выходѣ, напялилъ на голову чужую **панаму**, и говоря **по-французски „адье"**, уходитъ.

(„Б. С.").

ЖЕНЩИНА

(Съ метереологической точки зрѣнія)

Каждая женщина безъ различія вѣроисповѣданія, національности и политическихъ убѣжденій подходитъ подъ слѣдующія метереологическія рамки:

Отъ 1 до 5 лѣтъ—сыро.
Отъ 5 до 10 лѣтъ—дождливо.
Отъ 10 до 13 лѣтъ—перемѣнчиво.
Отъ 13 до 16 лѣтъ—ясно.
Отъ 16 до 19 лѣтъ—вѣтрено.
Отъ 19 до 21 года—тепло.
Отъ 21 до 24 лѣтъ—жарко.
Отъ 24 до 30 лѣтъ—знойно.
Отъ 30 до 35 лѣтъ—ураганъ, буря.
Отъ 35 до 40 лѣтъ—умѣренно.
Отъ 40 до 50 лѣтъ—сухо.
Отъ 50 до 60 лѣтъ—холодно.
Отъ 60 до 70 лѣтъ и выше—ниже нуля.

У МИРОВОГО.

Судья. Вы обвиняетесь въ кражѣ лошади. Что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Армянинъ. Нэтъ... Мы лошадъ нэ кралы.

Судья. Ну, разскажите.

Армянинъ. Былъ день посній, какъ сичасъ помнимъ. Мы пошлы на рынокъ, рибки покупать. Идэмъ. Смотрымъ: на дорогэ — лошадь, однымъ головамъ — въ однымъ заборъ, другымъ хвостамъ — въ другымъ заборъ... Какъ тутъ быть? Что дэлать? Идти — гдэ головамъ, — кусаэтъ; идти — гдэ хвостамъ — махаэтъ; идти подъ пызъ—брыкается... Мы хотэлы перескочыть... Скачылы, а лошадь насъ и понэсла и прямо на нашъ дворъ... Вотъ какъ дэло было!

ЗА КОГО ВЫЙТИ ЗАМУЖЪ?

(По Олигеру)

Адвокатъ — обойдетъ законный бракъ.

Докторъ — будетъ кормить пилюлями.

Солдатъ — будетъ съ ней вѣчно воевать.

Красильщикъ — сдѣлаетъ ей синякъ.

Мясникъ — будетъ мотать ей кишки.

Владѣлецъ похороннаго бюро — похоронитъ ее.

Пекарь — будетъ распекать.

Вегетаріанецъ — будетъ кормить травой.

Актеръ — будетъ разыгрывать ей трагедіи.

Ростовщикъ — заложитъ.

Пѣвецъ — запоетъ до смерти.

Соціалистъ — можетъ ее соціализировать.

Революціонеръ — будетъ производить домашнія революціи.

Анархистъ — не признаетъ ея власти.

Юмористъ — защекочетъ ее.

— Ты, какъ видно, не очень счастлива въ семейной жизни?

— Напротивъ!

— Но мнѣ сосѣдки ваши разсказывали, что ты очень часто ссоришься съ мужемъ.

— Ничего подобнаго! Мы уже мѣсяца два не разговариваемъ...

ЕСТЕСТВЕННО.

— Холосты или въ бракѣ?

— Въ бракѣ съ женщиной.

— Ну, это естественно.

— Не скажите! Вотъ моя родная сестра въ бракѣ съ мужчиной.

КОММЕРЧЕСКІЙ РАЗСЧЕТЪ.

Извѣстный коммерсантъ женатъ на красавицѣ, которая служитъ предметомъ удивленія въ обществѣ.

Но красавица вѣтрена и немножко пошаливаетъ. Мужъ, зная про это, спокойно носитъ рога.

Однажды пріятель ему говоритъ:

— Что же ты не разведешься съ ней: вѣдь она тебѣ измѣняетъ.

Это не бѣда. За то она красавица.

— Какъ не бѣда; Неужели ты согласенъ дѣлить любовь своей жены съ другими?

— Ну, ты извини, голубчикъ: по моему, лучше въ хорошемъ дѣлѣ имѣть 50% пользы, чѣмъ быть полнымъ хозяиномъ въ плохомъ.

АФОРИЗМЫ О ЖЕНЩИНАХЪ.

„Женщина — источникъ зла“.—Сократъ.

**
*

„Изъ всѣхъ золъ надо выбирать наименьшее, а потому жениться лучше на самой маленькой женщинѣ“.

—Демокритъ.

**
*

„Между „да“ и „нѣтъ“ женщины—не помѣстить и самой маленькой иголочки“. — Сервантес.

**
*

„Женщины дома—вороны; съ женщинами—сороки; съ мужчинами—голубки“. — Цицеронъ.

**
*

„Самой трудной войной, которую я велъ, была война съ моей супругой. — Филипъ Македонскій.

**
*

„Легче укротить дикаго коня, чѣмъ строптивую жену“. — Арабская поговорка.

ВОЗМОЖНЫЯ ВОЗМОЖНОСТИ.

Очень возможно, что самый умный человѣкъ можетъ безъ ума влюбиться.

Вполнѣ возможно, что совершенно неграмотный человѣкъ можетъ написать „мыслете“.

Даже очень горькій пьяница можетъ говорить сладенькимъ голосомъ.

Необычайно тощій человѣкъ можетъ имѣть большой вѣсъ въ обществѣ.

Глухой отъ рожденія при случаѣ можетъ услышать голосъ своей совѣсти.

Самые ловкіе преступники могутъ почувствовать себя неловко... когда ихъ будутъ вѣшать.

Вопросикъ.

— А ну, скажите, когда животъ похожъ на старую бабу?

— Не знаю.

— Когда онъ ворчитъ.

Еще одинъ вопросикъ.

— Отъ какого огня ни одно страховое общество не страхуетъ?

— А я почему знаю!

— Отъ Антонова.

Между подругами.

— Всѣ мужчины коварны!

— Вамъ, вѣроятно, мужъ измѣнилъ:

— Да — мужъ моей лучшей подруги...

ХОРОШІЙ ТОНЪ.

Не принято, явившись въ гости, гладить за подбородокъ молодую хозяйку.

***

Во время танцевъ не принято щекотать барышень подъ мышками или обнимать такъ крѣпко, чтобы треснули планшетки отъ корсета.

***

За ужиномъ не слѣдуетъ брать вкусные куски съ тарелки своего сосѣда и утирать руки о платье своей сосѣдки.

***

Если рядомъ съ вами сидитъ за ужиномъ даже очень декольтированная дама, то неприлично бросать ей за декольте хлѣбные шарики.

***

Не принято забираться въ спальню хозяевъ и, снявъ сапоги, завалиться спать на одной изъ супружескихъ постелей.

— Дворникъ! Который часъ?
— Не знаю.
— Хорошъ дворникъ — не знаетъ времени.
— Хорошъ баринъ — часовъ нѣту.

Что такое танцы?

Танцы — это та же школа
Изъ житейскихъ разныхъ школъ,
Гдѣ старательно два пола
Натираютъ третій полъ.

Юмористическіе Стихи

ЗАГРОБНОЕ.

Я такъ представляю себя послѣ смерти:
Когда пролежу я дней десять подрядъ,
Потащатъ меня безобразные черти
Подъ ручки, съ пинками и криками въ адъ.
Я буду пропахшій, зловонный, червивый,
И мягкій, какъ нѣжный орѣховый тортъ...
У адскихъ воротъ, подпѣвая игриво,
Мнѣ выйдетъ на встрѣчу упитанный чортъ.
— Здорово, голубчикъ!.. Скапутился милый?...
Да ты не робѣй, не стѣсняйся здѣсь... Брось!..
Вотъ только ужъ очень ты скверный да хилый,
И краской пропахъ типографской насквозь.
Войди-ка въ ворота... Не бойся — входъ даромъ,
И карточки даже не надо имѣть!...
Здѣсь черти отмоютъ тебя скипидаромъ,
И можешь спокойно въ геенѣ кипѣть.
Вошелъ?... Ну, прекрасно... По сборнику правилъ,
Для вашего брата, задамъ я вопросъ:
— Скажи мнѣ, что ты, умирая, оставилъ,
Что ты для потомковъ на землю принесъ?
— Потомкамъ?! — спрошу я — и тутъ же влюбленно
Весь списокъ трудовъ перечту наизустъ:
— Четыреста семьдесятъ два фельетона,
Три тома стиховъ: „Предразсвѣтная грусть",
А сколько — въ статьяхъ, я открыто и гордо
Громилъ нашу косность, безправье и мракъ!!...
Тутъ чортъ, наклонивъ волосатую морду,
Слегка улыбнувшись, прошепчетъ: „Дуракъ"...
Настанетъ заминка... Тутъ чортъ величаво
Велитъ для меня сковородку согрѣть.
И мнѣ улыбнувшись игриво-лукаво,
Предложитъ: „Ну что, братъ... пойдемъ покипѣть!..."

Ар. Буховъ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

I.

Ты не знаешь любви, ты не вѣдалъ страстей,
Сколько мнѣ ни клянися ты въ этомъ!
Настоящій влюбленный, какъ есть, безъ затѣй,
Узнается по вѣрнымъ примѣтамъ!
Неумытъ, непричесанъ, растрепанъ и дикъ,
Мраченъ онъ, какъ медвѣдь въ лихолѣтье,
И его, непонятный для смертныхъ, языкъ
Произноситъ одни междометья.
Каждый выходъ свой въ люди такой господинъ
Дорогою цѣною окупитъ:
Здѣсь онъ трэнъ оборветъ, тамъ уронитъ графинъ,
Тутъ особѣ на ногу наступитъ.
Онъ вздыхаетъ, какъ будто опара въ печи,
И о немъ не судите вы плохо:
Можно жарить бифштексъ, можно печь калачи
Въ знойномъ пламени каждаго вздоха!
За свои ли, покойныхъ ли предковъ грѣхи,
Въ грудь бѣдняги внѣдряетъ Этна
И, какъ лава, изъ устъ его льются стихи...
Смысла въ нихъ, хоть убей, незамѣтно
Вотъ примѣры, по коимъ, безъ дальнихъ затѣй,
Узнается влюбленный поэтомъ!...
Ты не знаешь любви, ты не вѣдалъ страстей,
Сколько мнѣ ни клянися ты въ этомъ!

II.

И я любилъ — да какъ!... До сей поры
Я не забылъ любви своей могучей;
Вздохну, бывало, — гибнутъ комары,
Заверчены тѣмъ вздохомъ въ смерчъ летучій.
Отъ увлеченія юношескихъ лѣтъ
Остались мнѣ, какъ тѣни старой сказки:
„Ея“ фотографическій портретъ,

Два локона и пряжка отъ подвязки.
Быль молодцу, конечно, не укоръ,
Но помню я, какъ тихими ночами
Ея портретъ лобзалъ я до тѣхъ поръ,
Что, не стерпѣвъ, слинялъ онъ подъ губами.
У горничной я локоны купилъ, —
Не у себя ль ихъ срѣзала Мареутка?!..
Я пять рублей тогда ей заплатилъ!
Ахъ, господа, не знаетъ сràсть разсудка!
Съ собой носилъ тѣ локоны вездѣ
Я, завернувъ ихъ въ тонкую бумажку...
Но никому не разскажу я, гдѣ
Нашелъ ея потерянную пряжку!

А. Амфитеатровъ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Завѣщаніе свое принимаюсь писать.
Скоро, скоро въ гробу перестану страдать:
Муки жизни такъ сердце мое истомили,
Что дивлюсь — почему я давно не въ могилѣ.

* * *

О, Луиза, подруга моя по судьбѣ!
Я двѣнадцать рубахъ завѣщаю тебѣ,
Сотню блохъ — счетъ блохамъ я веду на удачу —
И моихъ триста тысячъ проклятій въ придачу.

* * *

Добрый другъ! Помню я, въ дни несчастій и бѣдъ
Ты былъ щедръ — не на помощь — на добрый совѣтъ,
Такъ и я не оставлю тебя безъ совѣта:
Вмѣстѣ съ самкой скотовъ расплоди ты для свѣта.

* * *

О нѣмецкой свободѣ святыя мечты,
Пузыри эти мыльные, цензоръ мой, ты

Получи отъ меня, хоть я долженъ признаться:
Пищей этой едва ли удобно питаться.

* * *

Всѣ дѣянья, которыхъ свершить я не могъ,
Планъ спасенья отчизны отъ бурь и тревогъ
И рецептъ отъ изжоги — послѣдствіе пьянства,
Завѣщаю тебѣ я, родное дворянство...

Д. Минаевъ.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ...

(По Лермонтову)

Въ лазурномъ воздушномъ пространствѣ
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

На немъ незамѣтно пилота,
И нѣтъ пассажировъ на немъ,
Но бури, воздушныя ямы
И вѣтры ему нипочемъ —

Есть островъ на Дальнемъ Востокѣ,
Названье ему Сахалинъ...
И къ скаламъ его безпріютнымъ
Стрѣлою летитъ „цепеллинъ“.

И тамъ изъ земли императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ островерхняя каска
И кровью залитый сюртукъ.

Усы закрутивши лихіе,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ онъ, въ каюту садится
И быстро пускается въ путь.

Летитъ онъ къ Германіи милой,
Гдѣ Круппа оставилъ и тронъ,
Откуда союзною силой
Былъ съ помпою вышибленъ вонъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Солдатъ своихъ громко онъ кличетъ
И грозно майоровъ зоветъ.

Но спятъ сыновья фатерланда
Въ равнинѣ россійскихъ полей,
Въ цвѣтущихъ долинахъ Шампаня,
На днѣ европейскихъ морей...

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По сонному берегу ходитъ
И снова онъ грозно зоветъ.

Зоветъ онъ къ себѣ Гинденбурга,
Опору въ превратной судьбѣ
Ему обѣщаетъ полміра
Берлинъ лишь оставляя себѣ.

Но Гинденбургъ ужъ шпагу забросилъ
И гдѣ-то въ пивнушкѣ сидитъ;
И долго, его поджидая,
Во тьмѣ императоръ стоитъ.

Стоитъ онъ и горько вздыхаетъ
И дергаетъ злобно усы,
Пока не блеснетъ на востокѣ
Огонь заревой полосы.

Тогда на корабль свой злосчастный
Главу опустивши на грудь
Идетъ, и сказавъ „Доннерветеръ“!
Въ обратный пускается путь.

О. Крокодиловъ.

ВОЛКЪ и БАРАНЪ.

(Басенька)

Волкъ какъ то дралъ съ барана шкуру.
Баранъ, конечно, верещалъ.
Озлился волкъ: „Что воешь сдуру,
Нахалъ!

Деру тебя тебѣ жъ на благо —
Безъ шкуры легче — тѣсно въ ней!
Я эту тему на бумагѣ
Могу развить тебѣ яснѣй!“

Бѣднякъ баранъ, почти покойникъ,
Въ отвѣтъ заблеялъ чуть дыша:
„Прошу васъ, господинъ разбойникъ,
Пусть ваша тема хороша —

Но ваша справедливость волчья
Сейчасъ едваль мнѣ по плечу...
Ой-ой! Дерите лучше молча,
Я тоже скоро замолчу“.

Когда-то волки просто драли
Безъ объясненія причинъ...
Для умныхъ женщинъ и мужчинъ
Другой ненадобно морали.

Изъ **Виктора Бушэ.**

СОВРЕМЕННЫЯ КВАРТИРНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

1.

„900 рублей награды
Заплатить мы будемъ рады
Благодѣтелю тому,
Кто по Пытеру порыщетъ
И квартиру намъ отыщетъ
Въ тепломъ, каменномъ дому“.

II.

„Познакомиться съ швейцаромъ
(Холостымъ не очень старымъ)
Настоятельно хочу.
Поспѣшите отозваться!
Соглашусь и повѣнчаться,
Коль квартиру получу!“

III.

„Отецъ семейства: 9 дочекъ
И что ни дочка, то цвѣточекъ!—
Готовъ отдать одну изъ нихъ:
Юристу, дворнику, банкиру...
Но при условіи: квартиру—
Обязанъ подыскать женихъ!“

IV.

„9000 награды,
90 звучныхъ одъ
Отстрочить мы будемъ рады
Тѣмъ, кто уголъ намъ найдетъ.
Въ складныхъ строчкахъ вдохновенно,
Грохоча, какъ вещій громъ, —
До 10-го колѣна
Родъ вашъ славный воспоемъ!“

V.

„А я сошью костюмъ тому,
Кто дастъ мнѣ кровъ въ своемъ дому!“

„А я — 4 шубы!!“

„А я — всѣ выдеру ему
Испорченные зубы!!!“

„А я — рецептъ въ аптеку дамъ!!!!“

„А я... а я... вниманье !—
Колчанъ отборныхъ эпиграммъ,
Отточенныхъ заранѣ!!!...“

Василій Князевъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ НА СУДѢ ИСТОРІИ.

Наступаетъ страшный часъ —
Часъ конца кровавой сказкѣ
И Ѳемида рветъ повязки
Съ запылавшихъ гнѣвомъ глазомъ.
    Смотритъ правильны-ль вѣсы?
    Кайзеръ нервно мнетъ усы —
    Смотритъ тонко-ль мечъ отточенъ
    Процедурой озабоченъ.
Повиниться-ль передъ ней
Въ тьмѣ смертей убійствъ и казней —
Впрочемъ, надо быть смѣлѣй!
Впрочемъ, надо быть развязнѣй!
    — Я покинулъ свой Потсдамъ
    И явился къ вамъ по зову;
    Не глядите же, мадамъ,
    Такъ пронзительно сурово...
Голосъ смѣлъ: ни тѣни фальши.
Честный взглядъ глядитъ съ лица,

Мелетъ дальше, дальше, дальше...
Безъ конца.
Гнѣвно слушаетъ Ѳемида.
Ярко-красная хламида
Поползла съ высокихъ плечъ,
И въ рукѣ отъ злой обиды,
Дребезжатъ вѣсы и мечъ.
Вдругъ, какъ рявкнетъ: „Баста, стой!
„Разсчитаемся съ тобой!
„Ты, травившiй правду псами —
На колѣни, наглый хамъ!“
Да вѣсами, да вѣсами
По усамъ! По усамъ!

МАЛЕНЬКIЙ ЧЕЛОВѢЧЕКЪ.

Человѣкъ я очень маленькiй,
Всюду въ жизни на бобахъ;
Я мечтаю на заваленкѣ,
Молча съ трубкою въ зубахъ...
Жду небесной все награды я,
Но... всегда я за бортомъ.
Только пѣсней душу радую,
Такъ сегодня и... потомъ...
Полюбилъ я дѣвку красную,
Дочь сосѣда-богача.
Щечки — розы, очи ясныя,
Но для барскаго плеча!
И оттуда и отселева
Слышу дерзкiя слова:
— „По себѣ руби ты дерево,
Распустая голова!...“

Михрютка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цѣна 65 сентовъ

